

Кровь алая

Автор:

Николай Леонов

Кровь алая

Николай Иванович Леонов

Гуров #12

Расследуя серию убийств на даче спикера российского парламента, Лев Иванович Гуров узнает о политической интриге, подготовленной криминальными структурами с целью скомпрометировать российское руководство и привести к власти удобного им политика.

Николай Леонов

Кровь алая

Пролог

В подъезде остро пахло кошками. Запах был такой плотный, что казалось, его можно пощупать руками и отвести, словно ткань, в сторону. Гость помахал перед лицом рукой, позвонил в квартиру на первом этаже, когда стальная дверь открылась, нырнул в проем, пригнувшись, захлопнул дверь и тяжело перевел дух.

- Ну, Генка, к тебе прорываться, словно сквозь газовую атаку, - сказал гость.

– Сережа, говорено-переговорено, носи с собой противогаз, – ответил хозяин, принимая от гостя кейс и указывая на вешалку.

Когда гость снял плащ и прошел в комнату, друзья обнялись, похлопали друг друга по плечам, оглядели, оба довольно улыбнулись.

Они были годки – по тридцать восемь, дружили с детского сада, вместе закончили школу и университет, встречались раз в два-три месяца, причем всегда Сергей приходил к Геннадию и никогда наоборот.

Сергей был депутатом, членом ВС России, Геннадий якобы перебивался в каком-то СП и увлекался электроникой. Одна из двух комнат всегда была заставлена телевизорами, плеерами и другой аппаратурой, а на старинном комод сидели коты, и сколько их, не знал не только гость, но и сам хозяин. Коты приходили и уходили, вели себя независимо, поглядывали со своего пьедестала на людей равнодушно.

Хозяин открыл форточку, чтобы коты могли перемещаться по своему разумению, и закрыл дверь, а в другой комнате стал быстро накрывать на стол. Гость достал из своего кейса бутылки, свертки с закуской, икру и балык.

– Надо тебя, Геннадий, подкормить, совсем плохой стал, – Сергей слащаво улыбался и поглядывал на хозяина заискивающе.

Да, странная это была дружба: с детства и до сегодняшнего дня верховодил Геннадий. Полноватый блондин среднего роста, с конопатым простодушным лицом, одет неряшливо, с вечно грязными руками и постоянной улыбкой, он производил впечатление человека не очень умного и совершенно безобидного.

Сергей же «как денди лондонский одет», холеный – казалось, что он только что вышел из парикмахерской: бородка клинышком – волосок к волоску, руки ухоженные, правда, слегка суетливые. Как уже говорилось, он был членом ВС, лидером немногочисленной, но достаточно скандальной партии. Сергей разыгрывал из себя мецената, который поддерживает талантливого непутевого друга детства. Геннадий с простодушной благодарной улыбкой очень серьезно подыгрывал, лишь иногда в его рыжих глазах мелькал огонек, какой можно увидеть в глазах кота, забавляющегося с мышкой.

Они с детства не любили, порой ненавидели друг друга, но, составляя одно целое, не могли существовать порознь. Геннадий, обладая железной волей, недюжинным умом, граничащим с гениальностью, не умел, да и не желал подать себя, ему нужна была власть реальная, а не ее внешняя мишура. Сергей, неглупый, тщеславный, тянулся к власти, как наркоман к зелью, довольствовался внешней атрибутикой. Если бы этих людей можно было соединить в единое целое! Если бы, если бы! Жизнь состоит из несбывшихся мечтаний.

Уже можно садиться к столу, осталось лишь добавить, что лопухий конопатый Геннадий был «авторитетом» среди высшей элиты уголовного мира, миллионером и мог купить депутата вместе с его партией и всеми потрохами. Чтобы стало еще смешнее, заметим, что оба они не любили спиртное.

Однако бутылки открыты, закуска разложена, хозяин, потирая ладони, оглядел стол и сказал:

– Хорошо быть депутатом, Сережка. Наливай и рассказывай.

– Суетимся, разговариваем, – Сергей наполнил рюмки. – Интриги, Генка, сплошные интриги. Через год будем переизбираться. Останется съезд – неизвестно...

Сергей не знал о подлинной жизни Геннадия, но с детства был убежден, что тот всесилен, может буквально все, лишь бы захотел помочь.

– Моя карьера может повиснуть, а может просто закончиться. Если спикер выставит свою кандидатуру на пост президента, то у меня появится шанс...

Хозяин ел, кивал, смотрел в тарелку, неожиданно чему-то улыбнулся и сказал:

– А смешно мир устроен.

– Ты о чем?

– Я же сказал... – Геннадий пригубил коньяк. – Президентом ты стать не можешь, суетлив больно, а министром в новом правительстве... стоит попробовать.

– Президент не может проиграть на выборах, а он меня к кормушке близко не подпустит.

– Конечно, он хотя и не ума палата, но и не дурак. Ты много болтаешь, фигурничаешь, надоел и левым, и правым, а мы, люди простые, так тебя терпеть не можем.

– Гена, если молчать и не высовываться, так никто тебя и знать не будет, – возразил Сергей. – Вон Бесковитый чушь несет, аж уши вянут, а на прошлых выборах миллионы голосов получил.

– Он льет через край, дураки любят, когда шипит и брызжет. Ты встань за его спиной и помалкивай.

– Да он на выборах шансов не имеет.

– Так выборы через год, говоришь? – Хозяин выплюнул косточку маслины. – Срок солидный, мало ли чего произойдет. Ты приблизься к Бесковитому, приблизься, пусть он к тебе привыкает.

Несколько дней назад офицер службы безопасности спросил у Геннадия, каково его влияние на друга детства, Сергея Сабурина. Геннадий Бланк неопределенно пожал плечами и поинтересовался, в чем, собственно, дело. Оппозиция слишком разобщена, ответил гэбист, было бы неплохо слить их воедино. На том разговор и закончился.

Геннадий Бланк встречался с гэбистом уже пятый год, но не считал себя осведомителем. Он контактировал с гэбистом на взаимовыгодных условиях, обменивался информацией, денег не брал, подписку о сотрудничестве не давал.

Геннадий ждал появления Сергея, сам звонить не хотел, не следует нарушать сложившиеся традиции. Помня просьбу гэбиста, Геннадий посоветовал Сергею сблизиться с Бесковитым, а слова о министерском портфеле для Сергея были в данный момент не более чем болтовней.

Убийство

Старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник милиции Гуров вошел в приемную начальника главка, щелкнул каблуками, уронил голову на грудь и сказал:

– Здравствуй, Верочка! Я прибыл, явился, готов служить, жду указаний!

– Здравствуйте, Лев Иванович, – секретарь, миловидная, модно одетая девушка, безуспешно пыталась держаться серьезно и взросло. – Присядьте, Петр Николаевич ждет вас, но сейчас у него гости.

– Не вздумай сопротивляться. – Гуров подошел, чмокнул Верочку в щеку, опустился в кресло, вытянул длинные ноги, оглядел приемную, которую подчиненные генерала Орлова, не претендуя на оригинальность, называли предбанником.

Скромностью обстановки и размерами приемная никак не соответствовала должности генерала. Орлов был консервативен и, хотя получил золотые погоны и занимал высокий пост не первый год, по сути своей остался розыскником, профессионалом и трудягой, на обстановку приемной и кабинета не обращал внимания. Гуров осматривал знакомый предбанник с насмешливой улыбкой, прекрасно понимая, что его друг, пусть и неосознанно, своим пренебрежением к внешним атрибутам власти подчеркивает, что, мол, не забывайте прописных истин – не место красит человека.

Верочка на прошлой неделе получила в подарок наисовременнейшую кофеварку, еще не освоила и обращалась с агрегатом с такой осторожностью, словно имела дело со взрывчаткой. Несмотря на то что заморский гость занимал ее внимание полностью, девушка ухитрялась поглядывать на знаменитого сыщика. Верочка работала с генералом третий год, видела Гурова, если он не исчезал в командировку, практически ежедневно и продолжала удивляться, каким образом одинокий мужчина ухитряется всегда быть выхоленным: свежайшая рубашка, отутюженные брюки, ботинки сверкают, как у иностранца. Верочка знала, что полковник развелся; жена ушла, детей у них не было, сыщик живет один, в скромной двухкомнатной квартире. В любой конторе, и Министерство внутренних дел не исключение, о холостых красивых мужиках

женщины знают все абсолютно. Они не используют «наружку», не устанавливают аппаратуру прослушивания, но их осведомленности об объекте может позавидовать не только управление кадров, но и любое подразделение Министерства безопасности. Женщины знали, чувствовали – полковник настоящий мужчина, без самовлюбленности и комплексов, но только не в стенах конторы. Здесь лишь вежливые улыбки, безразличные комплименты и не более того.

Верочке рассказывали, что однажды на банкете, танцуя с чрезвычайно настойчивой претенденткой, Гуров сказал:

– Мужчина, который стреляет в собственном доме, не охотник, а обыкновенный самоубийца. Красавица, передайте мои слова по селекторной связи.

Из генеральского кабинета вышли двое в прокурорских мундирах, кивнули Верочке, пробурчав нечленораздельное, низенький, плотный, судя по петлицам, старший, зацепил взглядом Гурова, хотел остановиться, передумал и вышел следом за подчиненным в коридор.

– Здравия желаю, – сказал Гуров, войдя в кабинет, – хотели видеть, я тут, готов к выполнению.

– Желаю, желаю, – ответил Орлов, потирая нос, словно только что с прокурорскими не разговаривал, а дрался. – Садись.

Генерал знал, что Гуров не сядет, а встанет у окна. Полковник улыбнулся, прошел к окну, оглядел скромный кабинет с любопытством, словно не бывал в нем ежедневно, присел на подоконник, вздохнул; за неполные двадцать лет знакомства Гуров так привык к внешности начальника и друга, что давно не обращал никакого внимания на мужиковатую простоту генерала, прекрасно зная об аналитическом уме, проницательности и огромном сыщицком опыте Орлова.

– Неважные дела у нас, Лева. – Орлов моргнул, вздохнул, почесал за ухом. – Совсем неважные.

– Когда у тебя дела в норме, Петр, ты за ухом не чешешь, а трешь подбородок, – усмехнулся Гуров.

– Нахальный мальчишка, – Орлов открыл лежавшую перед ним тонюсенькую папочку, вынул листочек, разгладил короткопалой ладонью и брезгливо отодвинул. – Вот девушку застрелили.

– Надо же! – Гуров цинично усмехнулся. – В России убили девушку, ЧП, да и только! И кто же у нас папа?

– Инженер, а мама – учительница средней школы. А ты до того, как стал опером, важняком и полковником, был голубоглазым, чистым, добрым мальчиком.

– Я это слышу, наверное, в сотый раз, Петр. Коли одолела ностальгия, могу напомнить, что ты был старшим опером, стал генералом, но и тогда, и сегодня, прежде чем сунуть меня в дерьмо, долго готовишь. И чем дольше, тем дерьма будет больше.

Орлов вытянул губы дудочкой, взглянул на кончик собственного носа и спокойно спросил:

– Лева, ты за белых или за красных?

Гурова удивить было трудно, но тут он на секунду смешался, взглянул на потолок, указал на него пальцем:

– Ты про них? Так я их не люблю любых цветов и оттенков. Но я избирал президента и обязан его защищать.

– Что обязан, хорошо, а что не любишь – плохо. Людей надо любить, Лева! – Высказав столь свежую и оригинальную мысль, генерал даже поперхнулся, схватил лежавший перед ним лист, положил на край стола. – Полюбуйся! Девчонку застрелили в загородной резиденции спикера! – Неожиданно повысил голос, почти кричал: – Они приказали министру, он приказал мне, я – тебе! Разберись!

– Не надо на меня кричать, господин генерал, – тихо ответил Гуров, бумагу со стола не взял. – Есть прокуратура, Министерство безопасности, личная охрана спикера, в конце концов.

– Лева, не надо, – Орлов потер ладонями лицо. – Прокуратура возбудила уголовное дело. Старший следователь по особо важным делам принял его к производству. – Генерал вновь коснулся лежавшей на углу стола бумаги. – Вот его поручение органам внутренних дел.

– Он что же, будет меня учить, как разыскивать убийцу? – рассмеялся Гуров, взял наконец злополучную бумажку, взглянул мельком, сложил и убрал в карман.

– И учить, и, уж конечно, требовать результата, а вы, полковник, будете молча терпеть. Когда у высшего лица обнаружена язва, вызывают министра здравоохранения. Но министр делать операции не умеет. Он вызывает зама, тот главного врача, – Орлов ткнул себя в грудь. – Но я не оперировал уже несколько лет. Я, Лева, старый, усталый руководитель, а нужен творческий исполнитель, профессионал, у которого скальпель в руке не дрогнет даже над брюхом президента. Кстати, я бы тебя туда никогда не послал, но твое имя называли там! – И генерал, как недавно Гуров, указал на потолок.

– Откуда они меня знают?

– Слухами земля полнится.

– Так я там потолкаюсь дней несколько, испишу килограмм бумаги, раскланяюсь и разведу руками.

– Хвастун! Ты можешь много, порой слишком много, но столь разумное решение тебе не по силам. – Орлов мягко улыбнулся, смотрел на ученика с гордостью. – Я наперед знаю, как все произойдет. Ты поплутаешь, возьмешь след, двинешься по нему и пойдешь туда, куда ходить совсем не следует. Они, – генерал тронул телефонный аппарат, – потребуют тебя отозвать.

– Вот беда! – по-мальчишески воскликнул Гуров. – Ты дашь команду, я ее выполню с превеликим удовольствием.

– За прошедшие годы я отзывал тебя трижды. Ты хоть раз подчинился? Когда ты вцепишься, тебя нельзя оттащить, тебя можно только убить.

- Ну это вряд ли, - Гуров одернул пиджак, шагнул к дверям. - Так я пошел?

- Иди, - Орлов махнул рукой. - Бессмысленных слов не говорю. Иди!

- Спасибо, Петр Николаевич. - Гуров поклонился и вышел.

- К тому же он их еще и не любит, - пробормотал генерал. - Практически я послал его...

Рассуждения Орлова прервал телефонный звонок.

- Орлов, - сказал генерал, выслушал абонента, усмехнулся и ответил: - Вы, извините, помощник? Так и помогайте, черт вас подери! А полковник Гуров уже выехал!

Шоссе струилось сквозь лес, мелькали посты ГАИ. Обшарпанный «жигуленок» Гурова не останавливали, лишь провожали внимательными взглядами. Шоссе было без трещин и заплат, что наводило на мысль - асфальт в России делать умеют, только на всех его не хватает, и шоссе это не для всех, и у будок ГАИ дежурят не милицейские. Рассуждения, досужие мысли, никаких доказательств, да Гуров последние и не искал, завистлив не был. Если люди могут жить хорошо, пусть живут хорошо, было бы просто великолепно, если бы они такую жизнь заработали, а не получили как приложение к должности за усердную суетню у микрофонов.

Полковник заметил, как от последнего поста следом за «жигуленком» ушла штатская «Волга» и повела - не навязчиво, но и особенно не скрываясь. У сыщика появился соблазн остановиться и поболтать с сопровождающим, но он вспомнил осунувшееся лицо Петра, и желание бутафорить пропало. Позади ударил фарами мощный лимузин, легко обогнал, презрительно фыркнув, стремительно унес свое черное лакированное достоинство. Гуров подумал не о том, кто именно катается в роскошном лимузине, а прикинул, какой бензин он кушает, в каком количестве и на сколько дней хватило бы полковничьей зарплаты, если бы джинн выскочил из бутылки и подарил ему, Гурову, подобную машину.

«Жигуленок» уперся в зеленые железные ворота, «Волга» развернулась и замерла неподалеку. На воротах не было номера, никакой надписи, но, судя по полученным Гуровым инструкциям и сопровождению, он прибыл куда следует. Сыщик, хотя и не сомневался, что за ним наблюдают, посигналил, опустил стекло и закурил. Рядом с воротами открылась дверь, вышел мужчина в штатском, лет тридцати; фигура и лицо охранника свидетельствовали, что он не большой поклонник Мельпомены и свободное от дежурств время проводит за обеденным столом, в постели и спортзале. Гуров сразу оценил легкую, мягкую походку, четкие, неторопливые движения штатского и удивился, какой глубокий, приятный у него голос.

– Здравствуйте, Лев Иванович, – сказал охранник и даже улыбнулся. – Если не возражаете, я сяду в вашу машину, покажу, куда проехать, где припарковаться.

– Здравствуйте, не возражаю, – ответил Гуров.

– Спасибо, – охранник сел рядом. – Я начальник охраны, Егоров Илья Иванович. Мне будет приятно, если вы будете звать меня просто по имени.

Они ехали сосновым бором, никаких строений не наблюдалось. Охранник Гурову понравился, но удержаться он не сумел и, не скрывая сарказма, спросил:

– Судя по речи, вы выпускник Оксфорда или Кембриджа?

– Мы с Тамбовщины, – спокойно ответил Илья. – Кое-чему в столице обучены. – Он обаятельно улыбнулся.

Гуров подумал, что из парня можно сделать союзника, остановил машину, достал сигареты, начал шарить в карманах. Начальник охраны мгновенно щелкнул зажигалкой, протянул Гурову.

– Поезжайте, Лев Иванович, иначе в доме начнут волноваться, куда это мы запропали. Здесь направо, пожалуйста.

Они подъехали к особняку со стороны хозяйственных пристроек. Гуров понял, что припарковался на стоянке для служебных машин.

- Не угонят? - спросил Гуров, выходя из машины.

- Будем надеяться, - в тон полковнику ответил охранник.

- Если у вас тут убивают, то машину угнать плевое дело. - Гуров быстро взглянул охраннику в глаза.

Тот опустил веки и явно смешался. Сыщик успел увидеть в его глазах страх, возможно, злость, взял Илью за локоть, ощутил бугристые мышцы и сказал:

- Вы далеко не отлучайтесь. Если я решу этим делом заниматься, вы мне скоро понадобится.

- Меня допрашивали дважды.

- Я не люблю читать.

- Лев Иванович! - позвали с крыльца.

Гуров хлопнул начальника охраны по плечу, повернулся на голос и увидел давнего знакомого, некогда майора КГБ Николая Васильевича Авдеева.

Он шел от крыльца, протягивая руки, и быстро говорил:

- Привет, сыщик. Я так и думал, что пришлют именно Гурова. И хотел тебя видеть, и боялся. Да и на кой черт ты здесь нужен?

- Здравствуй, Николай! - Гуров от объятий уклонился, но руку пожал крепко, искренне, радуясь, что встретил человека знакомого, вполне профессионального. Лет пять назад майор Авдеев работал в Управлении по борьбе с торговцами наркотиками, золотом, антиквариатом. - Кого ты здесь представляешь?

- Ты не меняешься, - улыбнулся Авдеев, взял Гурова под руку, повел в дом. - Такой же стройный, элегантный и недипломатичный. Нет чтобы сказать, мол, рад встрече, мозги слегка припудрить. Пусть никто тебе и не поверит, но так принято, Лев Иванович.

– Я действительно рад, ты выглядишь неважно, совсем седой, втихую пьешь, вижу, развелся и не женился. – Гуров отстранился, внимательно оглядел Авдеева с ног до головы. – Мне кажется, ты не берешь взяток, на службе не преуспел, жизнью доволен. Вот, пожалуй, и все. Ну как? Я оправдал твои ожидания, исправился?

– Ты стал еще хуже, хотя, казалось, и некуда! – рассмеялся Авдеев, открывая дверь и пропуская Гурова в просторную комнату.

По выработанной за многие годы работы в розыске привычке Гуров сразу отметил, что в комнате один человек, три окна, запасной двери не видно, две тахты, два стола, в общем, служебное помещение, где должны работать, но есть возможность и отдохнуть.

Мужчина за столом быстро, сноровисто писал, на вошедших взглянул мельком – без интереса. Гуров узнал полненького человека в прокурорском мундире, который выкатился из кабинета генерала около трех часов назад. Сейчас следователь был в добротном штатском костюме, при галстуке.

– Лев Иванович, знакомьтесь, ваш нынешний начальник, – заговорил нараспев Авдеев, получая от ситуации удовольствие, так как о взаимоотношениях прокуратуры и милиции был осведомлен прекрасно. – Старший следователь.

– Не паясничайте, Николай Васильевич, – перебил следователь, продолжал быстро писать и говорил: – При пожаре нет начальников и подчиненных, и кстати, де-юре – одно, а де-факто – совсем иное. Лев Иванович сыщик, его дело – искать. Формально я поручение прокуратуры генералу Орлову передал, фактически, полковник, действуйте по своему усмотрению. Меня зовут Игорь Федорович, – он отложил исписанный лист, застрочил на следующем. – Фамилия у меня простенькая – Гойда, – следователь впервые взглянул на Гурова, улыбнулся и, словно опомнившись, начал писать еще быстрее. – Я прокурорский чиновник, потому зануда, потому напоминаю о законности любого вашего действия. Прежде чем шагнуть, уважаемый сыщик, десять раз прикиньте, куда собираетесь ногу поставить. Не знаю, кто из семьи ваш поклонник, но хозяин отнюдь не в восторге, что сюда пригласили милиционера. В этом доме вам голову оторвут так быстро, что вы даже боли не почувствуете.

– Как кот Бегемот оторвал конференсье Бенгальскому, – вставил Гуров, которому надоело стоять и слушать болтливого писучего чиновника.

– Что? – Гойда взглянул на сыщика. – Какой кот и при чем тут конференсье? Черт побери! Не отвлекайте, мне через три часа докладывать, а я все еще место происшествия описать не могу.

– Убили здесь, в этой комнате? – Гуров оглянулся недоуменно.

– Не прикидывайтесь, не получается! У меня фотографическая память, я описываю кухню, где было обнаружено тело. Осмотрите кухню, пожелаете, можете сверить. – Гойда подвинул Гурову толстую папку, кивнул на второй стол: – Ознакомьтесь, здесь все, чем мы на данный момент располагаем.

Строева Оксана Петровна была обнаружена в 18 часов 35 минут в помещении кухни. По заключению врача, смерть наступила примерно в восемнадцать часов в результате проникающего ранения в затылочную часть головы. Вскрытие пока не произведено, и пулю не изъяли, по предварительному заключению выстрел был произведен с расстояния не менее двадцати метров.

Гуров просматривал протоколы допросов охраны, прислуги, водителей. Допрашивали дотошно, но по вопросам следователя сыщик чувствовал, что Гойда никакой версии не имеет. Шарит наугад.

Посторонних ни в доме, ни на территории не находилось, выстрела никто не слышал. Осмотрено личное оружие охранников, но, естественно, из него за последние сутки не стреляли.

Оксана Строева, двадцать восемь лет, не замужем, образование высшее, работала горничной, прописана в Москве, проживала на территории госдачи, выезжала на служебной машине в Москву примерно раз в неделю, иногда два раза, порой не отлучалась две-три недели, в Москве ночевала крайне редко.

Ответы допрашиваемых состояли в основном из отрицаний: не видел, не слышал, не знаю, не подозреваю и т. д.

Единственный вывод, к которому пришел Гуров, просмотрев собранный за сутки материал, был прост и однозначен: прокуратура вела дело тщательно, скрупулезно, заботилась лишь о том, чтобы к ней нельзя было предъявить претензий.

Следователь закончил писать, сидел, облокотившись на стол, рассматривая свои ладошки, ждал, когда сыщик закончит знакомиться с материалами. Увидев, как Гуров перевернул последнюю страницу, вежливо, но с некоторым сарказмом спросил:

– Какие вопросы, Лев Иванович?

– Практически лишь один, – Гуров отодвинул папку с бумагами, достал сигареты. – Будем разыскивать убийцу или испишем еще килограмм бумаг и закроем дело?

Сотрудник безопасности давно ушел, но сыщик не сомневался, что комната прослушивается и разговор записывается. Гуров посмотрел на следователя ласково и улыбнулся поощрительно, мол, давай, выкладывай начистоту. Гойда хрустнул пальцами, взглянул на часы, болезненно скривился и ответил:

– Вы многого не понимаете, полковник...

– Извините! – прервал Гуров. – Уважаемый Игорь Федорович, я вас убедительно прошу обращаться ко мне либо по имени-отчеству, либо господин полковник. И второе, договоримся отвечать на вопросы друг друга конкретно, а не объезжать их стороной. Я задал вам вопрос, господин следователь.

– Лев Иванович, я много о вас слышал, люди правы – у вас крайне скверный характер.

– Если вам нужен сантехник, вас интересует, насколько ловко он крутит гайки, или вы спрашиваете, сколько раз он был женат? Я вам задал конкретный вопрос, господин следователь по особо важным делам.

– Зануда вы и провокатор, Лев Иванович, – очень по-свойски ответил Гойда, покачал головой. – Мы сделаем все возможное, чтобы найти убийцу.

– Вот и прекрасно, вот и ладушки, – в тон ему произнес Гуров. – Тогда у меня уйма вопросов. Где результаты вскрытия и пуля? Почему не отражена попытка обнаружения места, откуда стрелял убийца? Почему нет списка людей, находившихся в момент преступления в доме? Здесь, – сыщик указал на папку, – написано, мол, посторонних на территории не было. Глупости, этому не поверит даже Генеральный прокурор, которому вы собираетесь докладывать. Вчера было воскресенье. Если Имран Русланович находился на даче, то обязательно присутствовали сподвижники. Если хозяина не было, значит, хозяйка пригласила гостей. Если отсутствовала вся семья, естественно, что кто-то приезжал к обслуге либо охране. Когда кота нет, мыши резвятся. Где труп? Где врач, который проводил осмотр?

– Чувствуется хватка волкодава. Господин полковник, вы сыщик, умница, только занимались бы вы своим делом, – Гойда встал, начал укладывать в кейс бумаги. – Вроде вы с полковником Авдеевым знакомы?

– Николай уже полковник?

– Потолкуйте с ним, работайте, валяйте, действуйте. Надеюсь, что, когда я вернусь, вас здесь уже не будет! – Следователь церемонно поклонился и вышел.

Геннадий Артурович Бланк был известен очень узкому кругу «авторитетов» уголовного мира. Знали его и среди финансистов, многие из которых не только нажили миллионы, но и сумели выйти на международный уровень. Но ни один человек – ни среди преступников-«авторитетов», ни среди банкиров – не знал, чем конкретно Геннадий Бланк занимается. Кроме того, те немногие, кто был с ним знаком, знакомство данное от всех тщательно скрывали, как скрывают связь с неприличной женщиной или увлечение онанизмом.

Некоторые считали Геннадия провидцем, шаманом, Джуной, Чумаком и Кашпировским одновременно. Человеку легче верить в нечистую силу, чем признать, что другой человек, к тому же некрасивый, смешной, без званий, положения, как говорится, без роду и племени, умнее во сто крат, видит тебя насквозь, до самого копчика, и способен разрешить твои проблемы если не шутя, то в большинстве случаев успешно.

Он обладал феноменальной памятью, походил на компьютер, полученная информация мгновенно находила свое место в его сером веществе, именуемом мозгом. Когда он решал вопрос о возможности получения многомиллионного кредита, Геннадию не мешало знание, где купить крупную партию оружия, так как вся информация была четко рассортирована и содержалась в разных клеточках. А количество клеточек в его мозгу еще никто не пересчитал.

В общем, Геннадий Артурович Бланк являлся главным советником, сценаристом, режиссером-постановщиком, и практически каждый человек, имеющий солидные рекомендации, в этой загаженной котами квартире мог получить помощь. Лично он не только никогда не брал в руки оружия, но в принципе ни в каких делах не участвовал. И даже если бы власть сумела взять его за руку, то и отпустила бы с извинениями, – предъявить обвинение, доказать организацию преступления либо соучастие Геннадия Бланка было практически невозможно. Переговоры велись один на один, писать он не любил, да подобная глупость ему и в голову не приходила. По его подсказке совершались фиктивные сделки, проливалась кровь. Он знал о своей безнаказанности, однако, получая очередной гонорар, естественно в валюте, всегда оставлял против заказчика компромат, перестраховывался, предупреждая опасность, болтовню либо неумышленное предательство.

Попавшие к нему в зависимость «авторитеты» дважды пытались его ликвидировать, и дважды, перестреляв порядочное количество людей, оставшиеся в живых приходили с повинной. В конце концов три крупнейших «авторитета», знавшие Геннадия Бланка в лицо, встретились и договорились, что Профессор – так его именовали преступники – лицо неприкосновенное и человек, поднявший на него руку, обречен на тяжелую смерть.

Никто не знал о связи Бланка с могущественной спецслужбой. Он даже себе не желал признаваться, что многими успехами обязан интеллигентному товарищу, с которым встречался ежемесячно, а порой и чаще. Товарищ был опытный агентурист, беседовал с Бланком в непринужденной манере, никогда ничего не предлагал писать, как не предлагал и денег, зная, что агент в них не нуждается. Свои задания агентурист излагал в виде просьбы, обычно что-то давал взамен; сразу отметив чрезвычайное тщеславие Бланка, офицер всячески его подогревал, не скупясь на слова. Он, конечно, знал о большинстве проводимых агентом операций, но службу подобные мелочи не интересовали, а поступающая от Бланка информация порой была просто бесценной.

Глава 2

Сыщик и охранники

Когда следователь прокуратуры вышел, Гуров решил позвонить генералу, снял телефонную трубку, но гудка не было.

– Телефон ни хрена не работает, – сказал полковник Авдеев, переступив порог, закрыл за собой дверь. – Я его отключил к чертовой матери! Лиши человека соблазнов, грешить перестанет, превратится в святого.

– И мы с тобой, господин полковник, останемся без работы, – усмехнулся Гуров. – Значит, я ошибся, Николай, и ты на службе преуспел...

– Брось, Лев Иванович, – Авдеев махнул рукой, – как я был шестеркой, так и остался. Взятки мне пока не предлагали, потому не знаю, беру я их или нет. Лика от меня действительно ушла, как ты проведал, понятия не имею.

– Будешь себя хорошо вести – скажу. А пока ответь на вопросы, которые я задал прокурору.

– Уверен, что я их слышал?

– Николай, будем уважать друг друга.

– Попробуем, – Авдеев склонил голову набок, нахмурился. – Вскрытие не проводилось, тело еще здесь, в морозильной камере. Место, откуда стрелял преступник, мы нашли, пытались подвести собаку, чуть не отравили. Химия. В момент убийства хозяин был в доме, гостевали три депутата ВС, которых, естественно, не допрашивали.

– Водители тоже пользуются депутатской неприкосновенностью?

– Стреляли примерно в восемнадцать, тело обнаружили около половины седьмого, я прибыл в девятнадцать тридцать восемь, машины гостей

отъезжали. Даже ты, Гуров, не остановил бы их, поверь на слово. Я не трус, но место свое знаю, да и местная охрана мне не подчиняется.

- Илья и его ребята из службы безопасности, - возразил Гуров. - Ты полковник...

- Лев Иванович, извини, ты словно дитя малое. К какому управлению относится охрана, я не знаю. А Илья, который тебе понравился, подчиняется только хозяину и боле никому.

- Интересное кино, - пожал плечами Гуров. - Приятно будет работать.

- Не дадут тебе работать, к вечеру выгонят. - Авдеев помолчал. - Хотя комнату выделили, пойдем, покажу.

- Ты мне лучше труп покажи. Пока меня не выгнали, я выполняю приказ своего начальника, который велел разыскать убийцу.

- Только разыскать? Тогда пустяк, ты это мигом.

Заиндевшее тело лежало на оцинкованном столе. Покойница была блондинкой, роста среднего, телом плотная, сложена пропорционально, лицо с правильными чертами, но хороша она или дурна собой, определить сейчас было невозможно.

- Николай, ты ее живой видел? - спросил Гуров. - Она была привлекательна?

Авдеев ничего не ответил, лишь головой покачал, а из-за спины Гурова мягкий, спокойный голос произнес:

- Оксана пользовалась успехом.

Гуров узнал голос начальника охраны, разозлился на себя страшно. Если к сыщику можно подойти сзади, то ему следует срочно увольняться или немедленно писать завещание. Он никак своей злости не проявил, даже не повернулся, и резко сказал:

– Хотел вас предупредить, Илья Иванович, что даже такому тренированному человеку, как вы, подкрадываться ко мне опасно, могу изувечить.

– Я не знал...

– Теперь знаете, – перебил Гуров и, хотя начальник охраны к осмотру тела не имел никакого отношения, продолжал агрессивно: – Почему покойница в платье? Ее не осматривали, или, господин охранник, вы станете утверждать, что убитую осмотрели, затем натянули на нее дорогое нарядное платье, да еще с длинным рукавом, даже все пуговички застегнули.

– Простите, господин полковник, но это не в моей компетенции!

– Серьезно? – Гуров наконец повернулся, уперся взглядом в зрачки охранника и, медленно выговаривая слова, продолжал: – А то, что на вверенном вам объекте убивают, в вашей компетенции? А если покойница вас не касается, зачем вы здесь находитесь?

Охранник опешил, не находил ответа, полковник Авдеев пришел ему на помощь и миролюбиво сказал:

– Лев Иванович, извини, но, если у человека в голове дырка, зачем его осматривать? Илья, занимайся своими делами, не лезь под горячую руку. Господин полковник не нашего полка, обычаев не знает, ему невдомек, что любимчик хозяина лицо неприкосновенное, уйди от греха.

– Я имею право находиться...

– Право ты имеешь, – перебил охранника Авдеев, – но не можешь. И ради бога, не обманывайся ты внешностью нашего гостя. Костюмчик, белый воротничок лишь для отвода глаз, на самом деле Лев Иванович крайне грубый человек.

– Ничего, представится случай, я его обучу хорошим манерам, – пробурчал начальник охраны и пошел от холодильной установки.

– Это вряд ли, – спокойно ответил Гуров, повернулся к Авдееву: – Так говоришь, коли в голове дырка, то и осмотр не нужен? Ты извини, Николай, сколько

убийств в своей жизни раскрыл?

- Лев Иванович, ты же знаешь, убийства не мой профиль.

- Знаю и, главное, вижу, - Гуров вздохнул. - Давай сюда врача, ведь вы его домой не отпустили, не так ли?

- Ну... - Авдеев замялся. - Ты ее раздеть потребуешь? Платье каленое, не снимется.

- Разрежем. Командуй, Николай Васильевич, не тяни резину, и так сутки потеряли и черт знает сколько ошибок наделали.

Когда платье разрезали и тело обнажили, то на левом запястье и предплечье обнаружили кровоподтеки. Сыщик не торжествовал, смотрел на врача и полковника безопасности печально, сказал:

- Прикройте, - взял Авдеева под руку, повел в сторону главного здания. - Оставить тело здесь приказали или это твоя инициатива?

- Дали понять, что факт убийства не должен дойти до журналистов. Ты же понимаешь, до выборов всего ничего. Здешний хозяин - основной претендент. Ему это нужно?

- Я политикой не интересуюсь, - думая явно о другом, сказал Гуров. - Спикер возможный президент, а нынешний президент уже не котируется? - И, не ожидая ответа, продолжал: - Мне нужна пуля, и срочно. А теперь покажи мне место, с которого, по вашему предположению, стрелял преступник.

Около молоденькой березки был вбит колышек. Колючие кусты боярышника опоясывали ухоженный газон, за ним - главный особняк. Три окна первого этажа распахнуты, отлично просматривается фигура в белом халате.

- Повар, - пояснил Авдеев.

Гуров взглянул на часы - без пяти пять, стреляли в шесть. Авдеев понял, о чем думает сыщик, и пояснил:

– Обычно повар работает до семи-восьми вечера, но вчера у него был день рождения и его отпустили в тринадцать. Он все приготовил, поставил в духовку, требовалось только подать. Гости съехались к четырнадцати, в семнадцать хозяйин с мужчинами пили кофе в библиотеке, женщины находились на парадной веранде.

– Кто обнаружил тело? – спросил Гуров. – В подробнейшей писанине следователя об этом ни слова.

– Мадам. Оксана пошла за мороженым и пропала. Мадам пошла искать...

– Меня пригласили по ее просьбе, – произнес задумчиво Гуров. – Правы люди, утверждающие, что женщины умнее мужчин.

– Не знаю.

– Врешь. Обратились в наше министерство, назвали мое имя. Хозяин был против, но не пресек. Кто способен заставить мужчину поступить вопреки своему желанию? Так что ты, Николай, не мути воду, ступай на кухню, встань на то место, где была обнаружена девушка. А я отсюда посмотрю, как это выглядит.

– Отлично выглядит, – Авдеев был человеком спокойным, прекрасно вышколенным, но не выдержал, начал раздражаться. – На такую проверку даже у меня мозгов хватило.

– Хочу сам взглянуть, пройдишь, сделай милость.

Когда полковник ушел, Гуров опустился на колени, начал рассматривать и обнюхивать траву; почувствовав посторонний, несвойственный земле запах, сыщик довольно улыбнулся, вынул из кармана полиэтиленовый пакетик, сорвал несколько травинок, упаковал.

Окна кухни располагались очень низко. Когда Авдеев появился в проеме, то был виден почти по пояс, полковник махнул рукой, отодвинулся вглубь, скрестил руки, секунду постоял неподвижно. Гуров видел его от пояса и выше, а выстрелили в голову. Имея глушитель, убийца мог всадить две пули в грудь, но предпочел стрелять в голову. Такие снайперы-наемники сыщику встречались, но

никого из них уже не было в живых. Время течет, подрастают новые таланты, не оскудеет земля российская. Если начнется мор профессионалов, то отличные стрелки исчезнут одними из последних, лишь когда у них кончатся патроны.

Полковник СБ Авдеев, ровесник Гурова, был невысок, строен, худ и абсолютно сед, казалось, что он носит парик. Пять лет назад, когда оперативники работали по одному «золотому» делу, они не то чтобы подружились, но, можно сказать, приятельствовали. Гурову нравилось, что майор КГБ держался просто, не причислял себя к элите, в отличие от большинства своих коллег, смотрел на милицейских сыщиков без зазнайства, отлично понимая, что менты оснащены значительно хуже, но как сыскари дают кагэбэшникам фору. В те годы майор Гуров работал еще в МУРе, но среди розыскников всех мастей его уже хорошо знали. Авдеев не был честолюбив и завистлив, к работе относился с прохладцей, прикажут – выполнит, особой инициативы не проявлял. Он быстро понял, что муровский сыщик сильнее по всем статьям, работал с Гуровым с удовольствием, фанатизм и танковый напор партнера вполне устраивали Авдеева. Кто сколько пашет, не подсчитывали, результаты делили поровну. А так как справки и рапорта Авдеев писал ловчее, то и навару получал больше.

Последние годы фамилия Гурова мелькала в секретных отчетах, появлялась в прессе. Авдеев, прочитав об успехах бывшего напарника, довольно хмыкал, порой говорил, мол, знай наших. В дни путча не столько порядочность, сколько удача швырнула Авдеева на защиту Белого дома. Майор попал в потасовку, не имеющую к политике отношения, но, когда Авдеева с переломом руки доставили в травмпункт, кагэбэшник стал героем. Авдееву присвоили звание подполковника, через год полковника, а так как он был мужик покладистый, не лез куда не следует, своего мнения не имел, а когда имел, помалкивал, то жизнь его в корне изменилась.

Когда Авдеева вчера срочно вызвали в резиденцию спикера, ознакомившись с делом, полковник подумал: вот бы сыщика Гурова пригласить. Утром, узнав, что по неизвестной причине обратились за помощью в МВД, понял – приедет именно Гуров, и испугался. Ситуация сложилась щекотливая, положение самого Авдеева далеко не однозначное, и если оперативнику, майору КГБ в свое время терять было абсолютно нечего, то сегодня полковнику СБ стало боязно. Это нищему пожар не страшен, нынче Авдеев далеко не нищий, а сыщик Гуров взрывоопасен и совершенно неуправляем.

Внешне Авдеев своей боязни никак не проявлял, держался с Гуровым просто и открыто, но слегка переигрывал, и сыщик почувствовал в поведении приятеля фальшивинку, копаться в причинах не стал, отложил в запасник, решил разобраться на досуге. А может, меня и действительно отсюда попросят, к чему зря голову ломать, рассудил Гуров.

По дороге в столовую Гуров передал Авдееву траву, которую сорвал, и попросил отправить в лабораторию, провести экспертизу.

– Молодец, – сказал Авдеев. – Потому и говорю, что ты сыщик, а я хоть и полковник, а шестерка.

Образец травы Авдеев еще утром отослал в лабораторию.

Они обедали в небольшой комнате при кухне, которую сыщик безо всякого интереса осмотрел, ничего, как и ожидал, интересного не обнаружил и сейчас доедал жареного цыпленка.

– Николай, скажи, для наших избранных фермы специальные имеются, колбасные заводы, парники? – спросил Гуров.

– Лев Иванович, не прикидывайся, – Авдеев вытер руки салфеткой, подвинул чашку кофе. – С каким удовольствием я бы сейчас стакан коньяку махнул и в койку, – он зевнул и потянулся. – Жизнь собачья, но я тебе скажу, здешний хозяин живет еще собачачей, работает больше, спит меньше.

– Мне его искренне жаль, – ответил Гуров, – а коньяк к кофе не полагается?

– Скажи, принесут, – Авдеев взглянул хитро и подмигнул.

Гуров ответить не успел, в дверях появился молодой человек, который вежливо и одновременно недовольно сказал:

– Здравствуйте. Лев Иванович, если не ошибаюсь?

– Здравствуйте, не ошибаетесь, – Гуров разгрыз нежное крылышко, обмакнул в соус и отправил в рот. – Какие проблемы, молодой человек?

Лицо посланца окаменело, стараясь даже не шевелить губами, он с трудом произнес:

– Вас просят наверх.

– Просят? – Гуров взял салфетку, начал вытирать руки. – Сразу несколько человек? – Он повернулся к Авдееву, который с интересом наблюдал за происходящим. – Где можно руки вымыть?

Угол комнаты был отгорожен занавеской, и не только сыщику, ребенку было понятно, что там туалет.

– Направо, за угол, – ответил Авдеев, стараясь сдержать улыбку.

– Извините, я умоюсь, выпью чашку кофе и через пять минут прибуду, – Гуров поднялся.

– Вас просят сейчас же, Лев Иванович, – посыльный вздернул подбородок.

– Еще один труп? Нет? Тогда через пять минут. Скажите, куда прийти, или подождите за дверью. Извините. – Гуров кивнул и пошел в туалет.

– Ты себя в дурацкое положение не ставь и не бодайся с этим человеком, – сказал Авдеев. – Он сказал – пять минут, значит, так и будет.

Комната была большой, просторной и светлой, Гурову очень хотелось оглядеться, увидеть, как живут правители России, но он прошел по ковру, поклонился женщине, которая сидела за секретером, стоящим в проеме между окнами, сказал:

– Здравствуйте, Гуров Лев Иванович. Вы хотели меня видеть?

Мадам, а это, без сомнения, была она, – женщина если не красивая, то, безусловно, интересная, лет сорока с небольшим, одета строго, даже старомодно, платье со стоячим воротничком, без всяких украшений, шатенка,

причесана просто, со вкусом. Карие глаза, ресницы чуть тронуты тушью, над красивыми бровями взлет – высокий, чуть массивный лоб, который женщину не портил.

Они посмотрели друг другу в глаза, и гневная морщина, прочерченная от угла полных губ хозяйки, разгладилась, женщина слегка улыбнулась и сказала:

– Таким я вас и представляла. То-то Алла, рассказывая о великом сыщике, туманилась взглядом. Садитесь, Лев Иванович. – Она указала на кресло с очень высокой спинкой.

Гуров молча кивнул и сел, кресло оказалось в меру жестким, удобным, в общем, деловым.

– Слушаю вас, – сказал Гуров.

– Я не бегаю по экрану телевизора, и моего имени вы не знаете. Меня зовут Лиана Хасбулатовна, можно без отчества.

– Очень приятно.

– Это правда, что у вас скверный характер?

– Не мне судить. – Гуров оглядел хозяйку, взгляд сыщика был настолько откровенно оценивающим, что лицо женщины порозовело. – Вам лично мой характер понравится.

– Вы самонадеянны.

– Безусловно, но в конкретном случае просто профессиональный опыт.

– Чай, кофе или что-нибудь покрепче?

– Покрепче.

Лиана позвонила, звук не успел растаять, как дверь приоткрылась, молодой прислужник застыл на пороге.

– Эрик, выкати столик, и ты свободен, – сказала хозяйка, полные губы у нее утончились, сыщик понял, что прислужника мадам не любит.

– Момент. – Эрик подошел к инкрустированной стенке, распахнул дверцы, выкатил столик, на верхней полке стояли сервиз, кофейник и бокалы, на нижней – бутылки и ведро со льдом.

– Спасибо, Эрик, до завтра.

– Имран Русланович велел дожидаться его возвращения, – тихо, но уверенно произнес Эрик, отступая к дверям.

– Меня не касается, иди, – хозяйка махнула рукой, и, хотя Эрик был сыщику несимпатичен, Гурову стало неловко, словно он увидел человека в нижнем белье или в непристойной позе. – Не обращайтесь внимания, дворцовые интриги. Налейте мне кофе, я пью холодный, а себе что желаете.

Гуров поставил перед хозяйкой кофе, себе налил коньяка.

– В доме вообще-то не пьют, а вы еще и на работе, не боитесь?

– Если не пьют, не угощайте. – Гуров встал, прошелся по комнате, огляделся. – Ваш врач мужчина или женщина?

– Конечно, мужчина! Кто же доверит свое здоровье женщине?

– Мысль интересная. – Гуров подошел к окну, посмотрел в парк. – Вы при осмотре не стесняетесь? Не будем терять время, выкладывайте. Почему вы настояли, чтобы приехал профессиональный сыщик? Вокруг вас спецслужб больше, чем подслушивающих микрофонов в этой комнате. – Гуров развернулся, теперь он стоял спиной к свету, а Лиана вынуждена была повернуться лицом к окну.

Сыщик увидел, как взгляд женщины метнулся, – это мог быть и страх, возможно, негодование. Я ее перегрузил, понял сыщик: сразу и прямой вопрос, и

упоминание о микрофонах. Но я обязан предупредить, что нас слушают, пусть терпит. Хозяйка мгновенно взяла себя в руки, надменно вздернула бровь:

- Микрофоны - здесь?

- Обязательно. Нас же с вами данный факт не волнует. Забудем, нам скрывать нечего. Я здесь, меня интересует, почему я здесь.

Полковник Авдеев, который, сидя на скамейке, слушал по радиации разговор, пробормотал:

- Сукин сын, наглец! Горбатого могила исправит!

- Я скажу мужу! Он... Значит, президент приказал установить здесь подслушивающие устройства?

- Ему делать нечего? - Гуров пожал плечами. - Президент тут ни при чем, подслушивающие устройства устанавливали в прошлом веке. А то, что ваша охрана нас слушает, не сомневаюсь.

- Безобразие, я сегодня же скажу мужу! - повторила мадам.

- Перестаньте, вы же умная! - перебил Гуров. - Был бы супруг завкафедрой, жил бы как человек. Хочет большой власти - будет терпеть. Лиана, я вас прошу, давайте по существу, иначе мое присутствие совершенно бессмысленно. Чего вы испугались?

- Убили мою любимую горничную. Здесь, куда мышь не проскочит. - Лиана хотела сказать, чтобы Гуров налил ей коньяку, оглянулась беспомощно и указала на бутылку.

Гуров поставил перед ней бокал, взял со стола блокнот и ручку, написал: «Вперед!» и сказал:

– Извините за банальность, но, как говорится, положение обязывает. Я тут огляделся, могу сообщить немного. – Гуров указал на блокнот и ручку, мол, пишите, и продолжал: – Стрелял, безусловно, профессионал. Не уверен, но думаю, что убийство совершено без заранее обдуманного намерения. Возникла необходимость, приняли решение, дали команду.

Говорил сыщик не для хозяйки, а любопытным, которые его слушали, хотел заставить их активизироваться. Мадам кончила писать, отодвинула блокнот и раздраженно сказала:

– Так я вам и поверила! Без подготовки! Надо убить, и дали команду! А тут рояль в кустах! Случайно! Профессиональный убийца, пистолет с глушителем! Мне говорили, что вы лучший сыщик России, а несете чепуху!

– Мыслите вы, особенно для женщины, недурно, – Гуров подошел, заглянул в блокнот и прочитал: «Вчера я подарила Оксане свое платье. Стреляли в меня!»

– Мыслите недурно, – повторил Гуров. – А выводы, извините, дилетантские, – и написал: «Глупости! Платье – простое совпадение».

– Дилетантство! – фыркнула мадам и выпила коньяк одним глотком. – Докажите!

– И не подумаю. – Гуров вновь указал на блокнот и ручку. – Если у вас есть вопросы, пожалуйста. Докладывать вам я не обязан, делюсь своими соображениями из любезности, которой не рекомендую злоупотреблять.

– Ну дает! – восхищенно произнес Авдеев. – Много бы дал, чтобы видеть сейчас лицо этой стервы.

Услышав подобную дерзость, мадам слегка побледнела, но сдержалась, лишь миролюбиво обронила:

– Наглец, каких свет не видывал.

– Согласен, но у меня есть и другие недостатки. – Гуров постарался улыбнуться обаятельно. – Разрешите от вас позвонить, у меня в комнате телефон барахлит.

– Городской не работает, звоните по «кремлевке», – Лиана издевательски улыбнулась, некуда тебе, милиционер, звонить по нашему телефону.

– Спасибо. – Гуров подошел к столику, на котором стояло несколько аппаратов, повернул к себе аппарат с гербом Советского Союза, набрал номер и после первого гудка услышал:

– Орлов слушает.

– Добрый день, господин генерал, Гуров беспокоит.

– Добрый день, полковник, как у вас дела? – сухо ответил Орлов, понимая, что по правительственной связи Лева говорит в присутствии посторонних.

– Обычная работа, Петр Николаевич. Я вас прошу прислать машину, передам рапорт. Вы же понимаете, что наша работа должна быть зафиксирована максимально точно.

– Хорошо, машина будет. – Орлов понял, что сыщик хочет сообщить что-то крайне срочное. – Через два часа водитель позвонит из проходной.

– Спасибо, господин генерал, всего доброго. – Гуров положил трубку, повернулся к хозяйке: – Премного благодарен, Лиана Хасбулатовна.

Пока сыщик разговаривал, мадам писала, задумавшись, хмурилась, покусывала ручку, чем походила на студентку. Гуров зашел ей за спину, слегка наклонился и прочитал: «Мне не нравится ваша самоуверенность и пренебрежительное отношение к опасности, которая мне угрожает. Не забывайте, я настояла на вашем приглашении, и лишь я способна вас здесь удержать. Вы забываетесь...»

Гуров отобрал у мадам блокнот и написал: «Уважаемая Лиана, не надо глупостей!» Он поставил огромный восклицательный знак, показал написанное, вырвал исписанную страницу и две последующие, смял и положил в карман.

Квартирка в домике для прислуги, которую выделили Гурову, была маленькой и скромной – комната, душ, крохотная кухонька с газовой плитой и пустым

холодильником. В комнате – письменный стол, кресло, удобная кровать, небольшой платяной шкаф.

Сыщик написал рапорт, в котором изложил свое заключение, ранее уже высказанное хозяйке имения, добавив, что просит проверить связи убитой по месту жительства, последнее подчеркнул, давая Орлову понять, что делать это совершенно не обязательно, положил в конверт и направился к воротам, куда через пятнадцать минут должна подойти машина.

На аллее сыщик, естественно, столкнулся с Авдеевым.

– Далеко собрался, господин полковник? – спросил Авдеев, пошел рядом.

– Ты знаешь, – Гуров держался холодно, товарищеские нотки из его голоса исчезли. – Ты не прибедняешься, а действительно бездарный оперативник. Тебе следовало поинтересоваться, как прошла моя встреча на высшем уровне, а не куда я иду.

– Ты все понимаешь, я знаю, что ты знаешь, перестанем играть в пинг-понг, – миролюбиво сказал Авдеев. – Ты покажешь мне свой рапорт?

– Мог бы и не показывать, у любого беспредела существует предел, но по старой дружбе – пожалуйста. – Гуров вынул из кармана конверт, который даже не заклеил. – Ничего нового, чистой воды бюрократизм.

– Спасибо, – Авдеев небрежно просмотрел рапорт, убрал в конверт, лизнул и заклеил. – Разреши, я сам передам конверт водителю?

– Ради бога, только в моем присутствии.

– Ты мне не доверяешь? – возмутился Авдеев.

Гуров остановился, взглянул полковнику в глаза, ткнул пальцем в грудь, подчеркнуто отделяя слова друг от друга, спросил:

– Это ты мне говоришь о доверии? Ты наглец, Николай! – выхватил у него конверт. – Теперь присутствовать будешь ты, а передавать буду я.

– Если бы ты послужил в нашей конторе...

– Если бы у бабушки были колеса, была бы не бабушка, а трамвай! – Гуров положил конверт в карман, где у него лежал аналогичный, который и должен был попасть к Орлову.

– Извини, Лев Иванович, – Авдеев пожал плечами, – ты лишь усложняешь мою жизнь. За нами будет наблюдать Илья Егоров, который мгновенно накатает бумагу, что я допустил тебя контактировать с внешним миром.

– А ты его успокой, скажи, что мою писанину читал, ничего предосудительного в ней нет. Так, невинное, хотя и пространное, сообщение для прессы.

– Ну и юмор у тебя, – Авдеев даже приостановился, вытер лицо платком. – Как тебе мадам?

– Умная, волевая женщина.

– Ты с ней разговаривал недопустимо, ломаешь себе шею.

– Глупец, для этого необходимо упасть, к примеру, выпасть из окна, хотя бы свалиться со стула. А у меня ни окна, ни даже стула. Я опер-розыскник, бегаю на своих двоих, а коли некуда падать, невозможно ничего сломать.

Обдумывая услышанное, Авдеев некоторое время шел молча, затем резко сменил тему:

– Поначалу мне казалось, что местный охранник тебе понравился. Так чего ты на него накинулся, когда мы стояли у тела?

– Умный, образованный парень служит овчаркой, зло берет, – ответил Гуров.

Сыщик сказал неправду, сначала он разозлился на себя за ротозейство, а потом атаковал Егорова, проверяя парня на прочность. Если отступит, значит, холуй, но Илья держался достойно, а с таким человеком можно иметь дело.

- Надеюсь, ты не придавал значения ссадинам на руке покойной? Она ведь могла их получить и два, и три дня назад.

- Конечно, - вновь слукавил сыщик. Он был не врач, но в травмах разбирался. Покойную хватали за руку незадолго до смерти. Кожа у женщин чувствительная, синяки проступают сразу, на второй день они начинают желтеть. У горничной они не успели налиться синевой. У нее произошло столкновение с несильным, но цепким мужчиной за три-четыре часа до смерти. Стопроцентной уверенности у сыщика не было, но подобное объяснение повреждений наиболее вероятно.

- Что ты собираешься предпринять? - спросил Авдеев.

- Почему я? - Гуров недовольно хмыкнул. - Мы что, работаем отдельно, каждый за себя? - Он вынул из кармана конверт, вернул Авдееву - Передай водителю сам, я не хочу, чтобы тебя заменили, пришлют еще черт-те кого.

- Спасибо, Лев Иванович, ты настоящий друг.

Гурову стало неловко, он даже отвернулся, искренне смутившись, сказал:

- Не за что, я беспокоюсь о себе.

У ворот их встретил Илья Егоров, который прохаживался, заложив руки за спину, увидев офицеров, остановился.

- Пришла машина из МВД, водитель просит полковника Гурова. Я вас, Лев Иванович, задерживать не вправе, но уезжать до возвращения хозяина настоятельно не рекомендую. Если вы желаете что-либо передать, прошу это сделать через меня.

- Я написал рапорт своему генералу, - ответил Гуров. - Полковник у меня его забрал. Вы со своей секретностью совсем сдвинулись по фазе, играетесь, словно малые дети.

- Мы лишь выполняем указания своего начальства, - сдержанно произнес охранник и протянул Авдееву руку.

– Брось, Илья, не пыли, действительно смешно, хочешь, выйдем вместе, – он показал конверт. – Рапорт обыкновенный, для нас с тобой ничего нового.

– Ваше право, полковник, – охранник отступил, даже открыл перед Авдеевым дверь.

Когда тот вышел, Гуров шагнул к охраннику, сделал ложный выпад, Илья легко уклонился, сыщик той же рукой хлопнул его по плечу, отскочил и рассмеялся. Трюк был довольно прост, но действовал почти безотказно. Обычно нападающий делает финт одной рукой, а бьет другой.

– Выдохни и не сердись! – Гуров снова отступил. – Серьезный парень, а заводишься по пустякам. Ну не прав был полковник Гуров, да и черт с ним. У него одна служба, у Ильи Егорова другая. Так ведь по большому счету прав все-таки милиционер. – Гуров достал сигареты и зажигалку: – Не предлагаю, вижу, что не куришь. – За воротами заработал мотор, Гуров продолжал: – Девчонку убили, тело не осмотрели, таковы факты.

Вернулся Авдеев и, рассмеявшись, сказал:

– Шофер твердит, мол, дайте сюда Льва Ивановича. Умора! Пришлось удостоверение предъявлять и заверить, что вы в полном здравии.

– Нормально, – Гуров самодовольно усмехнулся, – сыщика Гурова в конторе уважают от постового до министра.

– Вот и врешь, новый министр наверняка тебя и в лицо не знает, – сказал Авдеев.

– Значит, неприятности у него впереди, – парировал Гуров. – Ладно, хватит трепаться. Илья, ты абсолютно, на сто процентов уверен, что в твоих владениях не побывал посторонний?

– Да у нас следовой полосы нет, но кое-какие ловушечки имеются. Я лично обошел весь периметр, все проверил.

– Ты понимаешь, трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Коли убийца пришел со стороны, ушел, а я его все равно найду,

такие случаи в моей практике случались, тебе оторвут башку так быстро, что ты боли не почувствуешь.

Авдеев вспомнил следователя прокуратуры и рассмеялся. Илья не понял причины веселья и насупился:

– Я за свои слова отвечаю.

– А я тебе абсолютно верю. – Гуров склонил голову, задумался, хотя вопрос приготовил заранее. – Гости вчера приезжали на двух машинах или на трех?

Охранник осуждающе глянул на полковника Авдеева и нехотя ответил:

– На трех, господин полковник. Только вы на них время не тратьте. Господа из особняка не выходили, да и стрелять не умеют, а водители проверены-перепроверены. Кроме того, когда все собрались, я находился во внутреннем дворе.

– Извини, Илья Иванович, при таком раскладе я тебя возьму под стражу. – Гуров не улыбался, лицом затвердел, смотрел охраннику в глаза. Неожиданно спросил:
– Сколько человек под твоим началом?

– Сколько вверили, столько и служит!

– Прекрасный ответ, ты мне вообще нравишься. Только от камеры это тебя не спасет. Прежде чем отдавать команды и драться, подумай. Со стороны никто не приходил, – Гуров загнул палец, – депутаты-делегаты и ихние супруги вне подозрений. Шоферы перепроверены и находились под твоим наблюдением. Остаешься ты и твои люди. Согласен? Значит, у тебя либо халатность, либо прямое соучастие.

Охранник отпрыгнул, схватился за кобуру, но пистолет сыщика уже мертво уперся ему в грудь.

– Молодой, а опаздываешь. – Гуров сунул пистолет в карман, взял Авдеева под руку, небрежно сказал: – До утра придумай что-нибудь, иначе уедешь со мной, – сделал несколько шагов и, не оборачиваясь, добавил: – В наручниках.

Геннадий Артурович, сидя за столом, возился с микросхемой, тихо напевал; хотя работа не ладилась, он пребывал в отличном настроении.

Здоровенный кот с бандитской мордой сидел на спинке кресла и, презрительно прищурившись, наблюдал за толстыми, но ловкими пальцами хозяина, который осмотрел микросхему в сильную лупу, отодвинул в сторону и сказал:

– Понимаешь, Бакс, эту штукуну проще выбросить, ведь, в принципе, она яйца выеденного не стоит, однако нельзя. Раз отступишь, второй, потом привыкнешь. Уразумел? А отступают слабаки, существа нервные, а мы с тобой такого права не имеем. Японцы люди терпеливые, умелые, делают на совесть, но и мы с тобой не лыком шиты, одолеем.

Кот не отвечал, лишь фыркнул и сильным длинным прыжком убрался на шкаф, где, потеснив сородичей, затих.

– Правильно, отложим до утра, оно вечера значительно мудренее. – Хозяин встал, потянулся коротким округлым телом, взглянул на притаившуюся на шкафу колонию: – Я ложусь спать, чтоб ни звука, кастрирую! У кого свербит – форточка открыта, прогуляйтесь.

Он прошелся по комнате, подтянул тренировочные брюки, посмотрел на телефон, который тотчас отозвался негромким звонком.

– Слушаю вас внимательно, – самодовольно произнес Бланк.

Он слушал абонента долго, терпеливо, несколько снисходительно, затем спросил:

– Все? Почему это я не знаю? Сыщик Гуров прекрасно известен. Он служил в МУРе, сейчас опером-важняком в главке. Я могу на него досье написать не хуже штатного кадровика. Гуров ликвидировал Эффенди, Лебедева, два с лишним года гонялся за Роговым и прихватил его на порошке, разгромил сильную группу... – он неожиданно хихикнул: – В общем, я знаю Гурова отлично, а вот он меня не знает и потому обречен. Мне непонятно, почему милицейского привлекли к этому делу. Хотя, как говорится, что бог ни делает, все к лучшему.

Теперь спецслужбы перегрызутся, водой не разольешь. Не перебивай старших, дурачок! Мне больше не звонить и уж ни в коем случае не приходить. Надо будет, я тебя найду...

Глава 3

Ночью никто не спит

Был конец мая, и две недели стояла жара, а в этот день неожиданно похолодало. В десять вечера окончательно стемнело, мощные стволы сосен слились, стали стеной, их кроны закрыли тусклые звезды, фонари, стоявшие вдоль аллеи, походили на огни посадочной полосы аэродрома.

– Пока хозяин не вернется, ты не ложись, – сказал Авдеев, когда полковники дошли до постройки, где находилась квартира Гурова. – Уверен, что он не захочет тебя видеть, но чем черт не шутит.

Гуров ничего не ответил, закурил пятую за день сигарету, второй год он безуспешно бросал курить.

– Ты серьезно собираешься задержать этого парня?

– Не знаю, возможно, надо подумать.

– Тебе никто этого не разрешит.

– Он пользуется депутатской неприкосновенностью?

– Лев Иванович, не придуривайся, ты же отлично понимаешь, что спикер не позволит арестовать начальника охраны своей загородной резиденции. Такой скандал, да еще в год выборов, когда ему осталось два шага до президентского кресла.

– Я далек от политики, обязан обнаружить убийцу. Зайдем, становится холодно.

– Зайдем. – Авдеев вынул из кармана крохотный передатчик, вытянул антенну, щелкнул тумблером.

– Второй, ты меня слышишь?

– Слышу хорошо, – ответили из динамика.

– Я нахожусь в квартире нашего гостя.

– Понял.

– Николай, попроси принести бутылку коньяка и что-нибудь пожевать, – сказал Гуров. – Черт побери, холодильник словно камера смертника в ожидании клиента. Если бы ты видел, как меня принимают «авторитеты»!

– Не советую, но тебе виднее. – Авдеев вновь вышел на связь: – Второй, организуй нам ужин и пару бутылок минеральной.

– Уже готово, сейчас доставят.

– А нельзя обращаться по имени? – усмехнулся Гуров, проходя в квартиру и зажигая свет. – Разговариваете, как в тылу врага. Конспираторы. И много с тобой людей?

– Любопытный ты, сил нет. – Авдеев опустил в кресло, потер замерзшие ладони. – Я хотя и не курю, но дай сигареточку. Так что ты намерен предпринять?

– Следователь подробно допросил всех обитателей дома, кто где находился около восемнадцати часов. А меня интересует, кто где находился по минутам, с момента, как на фазенду прибыли гости.

– Но ты не можешь допрашивать депутатов! – воскликнул Авдеев, услышал стук в дверь и сказал: – Входи, все свои!

Парень лет тридцати, полноватый, с обвисшими бульдожьими щеками, внес большую плетеную корзинку, ловко накрыл стол, корзинку оставил под столом и

молча вышел.

– Дисциплина, конспирация! – довольно хохотнул Авдеев, задернул шторы, достал из-под стола бутылку коньяка, открыл, поставил на стол. – Пока хозяин не прибудет и не ляжет, я грамма в рот не возьму. А ты, камикадзе, валяй.

Гуров согласно кивнул, выпил рюмку, зацепил вилкой кусок ветчины и спросил:

– Так ты служишь спикеру?

– Я служу России. Спецслужбы, Лев Иванович, всегда были в стороне от конкретных политиков.

– Ложь и демагогия. Спецслужбы – оружие и без направляющей руки лишь куча железа и электроники. Хватит об этом. Ты, полковник Авдеев, собираешься разыскивать убийцу или отбиваешь здесь номер?

– И то, и другое, и третье. Пожалуй, главное, я хочу выбраться из этой истории без потерь, остаться на своей должности. Ты спросишь, как она называется? Отвечаю: старший помощник младшего дворника.

Гуров не верил ни одному слову, но достаточно искренне сказал:

– Спасибо за откровенность. Значит, мне на твою помощь рассчитывать нечего.

– По тому, как ты себя ведешь, не рассчитывай. Но если ты зацепишься и я увижу, что хозяин твои действия одобряет, считай, что я в твоём распоряжении.

По тому, как откровенно говорил полковник, сыщик понял, что в квартире стационарной аппаратуры нет, а прослушивает сам Авдеев.

– Я тебе все это по старой дружбе говорю. Ты меня осуждать не торопись. Я после августа девяносто первого такого насмотрелся... Каждый за себя, Лев Иванович. – Авдеев выдержал паузу и отдельно повторил: – Каждый за себя.

Гуров мог бы сказать, что сражается тоже за себя и это естественно. Все зависит от того, каковы конкретно личные интересы человека, но промолчал. Он доел

бутерброд, выпил еще рюмку и сказал:

– Каждый за себя? У тебя здоровые инстинкты, Николай, и я тебя не осуждаю.

Сквозь шторы пробился свет мощных фар, Авдеев поднялся, положил на стол небольшую коробочку с единственной красной кнопкой:

– Если буду нужен, вызовешь, – кивнул и быстро вышел.

Личный охранник открыл дверцу бронированного лимузина. Спикер вышел, взглянул на стоявшего неподалеку Илью, пробормотал:

– Добрый вечер, – и остановился, как человек, который хочет что-то спросить, но забыл, о чем именно.

– Добрый вечер, Имран Русланович.

Спикер улыбнулся болезненно, провел ладонью по лицу, поманил Илью и начал подниматься по ступеням парадной лестницы. Когда они вошли в просторный холл, спикер не очень решительно спросил:

– Ну, что у нас здесь? Запомню, день очень длинный, людей много, все суетятся, говорят, голова кругом.

– У нас спокойно, Имран Русланович, – ответил Илья. – Прибыл милиционер, отвели ему квартиру, полагаю, не следует постороннему оставаться на ночь.

– Полагаешь? – Взгляд спикера прояснился, губы растянулись в привычную улыбку. – Кто стрелял? Не выяснили... Молодцы. Ты службу несешь, прокуратура со вчерашнего дня копает, результат – ноль. Молодцы.

Спикер двинулся через холл к мраморным пологим ступеням, которые вели на второй этаж. Нарушая этикет, начальник охраны пошел рядом, быстро говорил:

– Вы прежде переговорите с супругой, она с сыщиком около часа беседовала, может, вам на него и время тратить не стоит.

– Хорошо. Обязательно. – Спикер неожиданно остановился и, хотя был на полголовы ниже Ильи, сумел взглянуть на него сверху вниз. – Не поладили? Боишься? Ты и должен бояться. Иди.

Лиана, как всегда, встречала мужа на втором этаже, в дверях своей гостиной, где спикер обычно пил вечерний чай. Муж поцеловал жену в щеку, обнял за талию, произнес слова, которые повторял ежевечерне с того дня, как занял высокий пост:

– День прошел, мы живы, здоровы, значит, мы молодцы и победители.

Гостиная хозяйки представляла собой небольшую уютную комнату, резко контрастирующую с официально помпезными залами второго этажа. Спикер любил комнату жены, только здесь он чувствовал себя по-домашнему спокойно. Но ее обустраивала жена, не советуясь с мужем, даже вопреки его советам, естественно, что он не мог признать, что комната получилась лучшей во всем особняке, и спикер неизменно подтрунивал над простотой и уютом обстановки.

– Как твое гнездышко? Притащила ты сюда еще какую-нибудь подушечку или рюшечку? – спросил он, переступая порог и с деланным недовольством оглядываясь.

Никаких подушечек и рюшечек в комнате не существовало, обстановка была простой, изящной и удобной, но раз хозяин такие слова произнес и повторял их, значит, все так и есть. Жена отлично понимала, что мужу здесь нравится, и на его высказывания просто не обращала внимания.

– Все-то тебе расскажи, – она мягко подтолкнула мужа к дверям. – Иди отмойся от своих мужиков, от тебя несет конюшней. Я тебя жду, дорогой.

– Слушаюсь, госпожа, – спикер вышел и с коротким смешком, который выводил из себя оппонентов и даже президента, сказал: – Я прямо из посольства Великобритании. При случае сообщу послу, что после встречи с ним от меня пахнет конюшней.

Выложенная черным кафелем купель пенилась перламутром. Спикер окунулся с головой, промыл волосы, вытянулся, раскинул руки. Он не мог похвастаться фигурой и стеснялся своего вялого коротковатого тела, но пышная пена скрывала ошибки, допущенные природой, и Эрику разрешалось сидеть на диванчике рядом с купелью.

Прислужник хозяйки и осведомитель хозяина включил воспроизведение записанного на пленку разговора, который состоялся днем между сыщиком и мадам.

- Это все? - спросил спикер, когда запись кончилась.

- Все, до последнего словечка.

- Ты олух. Ясно, мент умен, он задал конкретный вопрос и не получил ответа. Судя по его голосу, он человек, который привык добиваться ответов. Тебя обманули, как соплика. Они гуляли по парку?

- Нет. - Эрик побледнел, облизнул пересохшие губы. - Они разговаривали только в приемной вашего кабинета.

- Никаких настораживающих звонков не было?

- Нет. Все как обычно.

- На семь утра вызови этого прокурорского прихвостня. Иди.

- Спокойной ночи, патрон. - Эрик поклонился и исчез.

Спикер, в мягком просторном домашнем костюме, походил на плюшевого мишку. Рукава были немного длинны, спикер не позволил увечить дорогую импортную вещь и подворачивал их, от чего вид грозного правителя становился еще более домашним и безобидным. Из огромной чашки, украшенной аляповатыми золотыми цветами, он пил слабенький очень сладкий чай с лимонным экстрактом. Жена, в атласном платье, подчеркивающим ее полноватую, но

вполне привлекательную, даже сексуальную фигуру, из крохотной рюмочки пригубливала зеленоватый ликер.

Спикер хотел спать, ему казалось, что, если бы представилась возможность, он проспал бы сутки, возможно, больше. Он пытался сосредоточиться на этом чертовом убийстве, рассовать по полочкам события последних суток, понять, откуда и почему прозвучал, казалось бы, бессмысленный выстрел и как можно повернуть ситуацию с пользой для себя. Он в любой ситуации не терялся, полностью контролировал свои действия, четко определял необходимые шаги, их последствия, иначе бы так и гнил на кафедре, а не руководил парламентом великой державы. Но сейчас он расклеился, не видел шахматную доску, фигуры смешались, он даже путал цвета, не различал, где белые, а где черные.

– Все образуется, дорогой, ты сильный, мужественный и самый умный, – жена кончиками пальцев коснулась его руки. – Ложись спать и отмени утренние дела.

– Если бы, – жалостливо произнес он, взглянул на часы, – на семь я вызвал следователя. Ты говорила со своим милиционером, что он собой представляет?

– Умен, дерзок. – Лиана бросила быстрый взгляд на мужа. – Он считает, что стрелял профессионал.

– Открыл Америку, – фыркнул муж, – а как любитель мог сюда пробраться? Ты не жалеешь, что мы пригласили стороннего человека?

– Дорогой, ты все сделал правильно.

Спикер хотел возразить, мол, милиционера потребовал не он, а именно жена, но сработал рефлекс – если все правильно, значит, это его и только его заслуга.

– Кому мешала Оксана, простая девка? – Он поставил кружку, спрятал кисти в рукава, отчего стал выглядеть еще беспомощнее и больше походить на мягкую плюшевую игрушку.

– Не забивай голову, решай свои проблемы, убийством пусть занимается профессионал.

– Глупая, – он пожевал нижнюю губу – привычка, которую тщательно скрывал от посторонних, – этот выстрел, возможно, сейчас важнее всех моих дел.

Из-за приоткрытой двери в приемную, за которой находился кабинет, раздался приглушенный зуммер «кремлевки».

– «Ни сна, ни отдыха измученной душе», – продекламировал спикер и шмыгнул к телефону; сняв трубку, выдержал паузу и равнодушно сказал: – Слушаю.

– Имран Русланович, вы ведете себя неразумно, – произнес низкий мужской голос. – Когда история выплывет наружу, как вы объясните прессе и избирателям свое поведение? Вместо того чтобы громогласно объявить, что исполнительная власть беспомощна, разрешает убивать людей даже в доме спикера парламента, вы прячете труп и молчите.

– Раз вы такой смелый, представьтесь, пожалуйста, – от столь неожиданного звонка к нему вновь вернулось спокойствие. Он четко увидел шахматную доску, цвет фигур, оценил позицию, которая была не из лучших, но давала возможность для сильной контригры.

– Мое имя вам ничего не даст, зовите меня Избиратель. Я желаю вам победы, хочу видеть вас президентом.

– Спасибо, господин Избиратель, – ответил спикер. – Общих слов мне хватает в парламенте и на съезде, можете сказать что-либо конкретное?

– Могу. Утром все выплывет, обдумайте свою позицию. Второе: гоните этого мента, он человек лишний и опасный. Спокойной ночи, уважаемый Имран Русланович.

Спикер положил трубку, постоял у столика с телефонными аппаратами, словно ждал продолжения разговора, поняв, что ожидание глупо, вернулся в гостиную, к жене. Она молча смотрела на мужа, он хотел было сесть, передумал и после небольшой паузы сказал:

– Я, как всегда, прав, – в чем он прав в конкретном случае, спикер не пояснил, поцеловал жену и отправился к себе.

Последние годы супруги спали в разных комнатах.

Шел третий час ночи, а Гуров еще не ложился: чем больше он думал над происшедшим, тем больше запутывался. Он вспоминал все свои предыдущие расследования убийств, но аналогов не находил. Сыщик впервые столкнулся с миром политиков и не мог найти мотив преступления. Кому выгодно? Почему? Любовь? Корысть? Власть? Личный мотив и корысть отпадают сразу. Девушка никакой властью не обладала и никому мешать не могла. Убили по ошибке, стреляли в другого человека? Платье? Версия мадам? Даже если предположить, что мадам замешана в неизвестной сыщику истории и кому-то мешает, ее убрали бы совсем иначе. И уж, конечно же, поджидали бы не у окна кухни, где она могла появиться лишь случайно. Стрелял, безусловно, профессионал, однако сыщик чувствовал: убийство произошло спонтанно, без подготовки. Гуров пытался вырваться из замкнутого круга, но безуспешно, неизменно возвращаясь к версии, которая у него возникла при осмотре тела, когда он увидел свежие синяки на запястье и предплечье.

Девушка видела либо слышала то, что ей никак видеть и слышать не полагалось, а ее заметили, схватили за руку, возможно, пытались запугать или купить, не получилось, тогда дали команду срочно ликвидировать. Версия красивая, простая и достаточно правдоподобная. Даже мадам тотчас ткнула в слабое место. Потребовалось убить – на месте оказывается профессионал и пистолет с глушителем. С некоторой натяжкой такому совпадению можно объяснение найти. Убийца один из водителей, который привез своего хозяина? Трудно поверить, что депутата Верховного Совета возит профессиональный убийца. Однако всякое случается, полностью исключать подобный вариант не следует. Чтобы дать команду шоферу, необходимо выйти из особняка и оказаться на глазах у множества людей. В машину можно позвонить, уговаривал себя сыщик. Выйти из комнаты, якобы в туалет? В каком помещении высокие лица находились? Кто выходил? Где туалет? С какого аппарата была возможность позвонить? Так ведь никого не допросишь, ни один и разговаривать со мной не пожелает.

Гуров расхаживал по комнате, произвольно держался в стороне от окон, возможность покушения на себя исключал, но порой, наставляя молодых оперативников, любил повторять, что стопроцентная безопасность настоящему сыщику обеспечена только в гробу.

Произошло убийство, возбуждено уголовное дело. В качестве свидетеля можно допрашивать любого депутата. Теоретически. А практически, стоит в разговоре коснуться болевой точки – поднимется крик, подозреваемый встанет и уйдет. Допрашивать этих людей бессмысленно. Следует избрать иной путь: не от хозяина к убийце, а от исполнителя к хозяину.

Обувь убийцы была обработана химическим реактивом. Если это водитель, то как коврик ни мой, а где-то в машине криминалисты следы найдут. Только кто этих криминалистов в машину пустит? Опять тупик. Чего я уперся в водителей? По принципу – коли нет гербовой, приходится писать на простой? Утерянное ищут под фонарем, так как под фонарем светлее?

Что уперся в синяки и в подслушанный случайно разговор? Даже в узком кругу политики объясняются на эзоповом языке, который простой девушке не понять. И никто из них девушку за руку не хватал, никакого криминала в особняке она не видела. Просто полковник Гуров, якобы талантливый сыщик, не любит депутатов и стремится замазать хоть одного в криминал? От такой холодной печки и начинается танец?

Гуров остановился, поднял руку, хотел ударить себя по голове, и не потому, что увидел свет в конце тоннеля, а уж очень сыщику эта голова не нравилась. Решив, что голова может еще ему пригодиться, он лишь поправил прическу и вновь зашагал от стенки к стенке.

Ни хозяева, ни гости никакого отношения к преступлению не имеют. Готовится покушение на спикера, девушка каким-то образом узнала об этом, и ее срочно ликвидировали?

В качестве приза за столь оригинальную мысль, которая должна была прийти первой, а явилась последней, Гуров разрешил себе глоточек коньяка и сигарету.

Исполнитель один из охранников? Кто может хотеть смерти хозяина поместья? Хотеть-то могут многие, да кто решится и имеет возможность? Кто претендует на пост президента? Сам президент? Этот, как его, Бесковитый? Он и в прошлый раз себя выдвигал. Кто еще? В ящик надо смотреть, сыщик, а ты все за преступниками гоняешься, потому дикий, дремучий, как тайга.

Никто из политических противников спикера на такое дело не пойдет. Сам не пойдет, а из окружения, из сотоварищей и сподвижников какой-нибудь психопат найтись может. Причем втихую от шефа, по собственной инициативе. Расчет прост: шеф становится президентом, а инициативный сотоварищ топает вослед, и все выше и выше.

Размышления Гурова прервал негромкий зуммер. В первое мгновение сыщик не понял, откуда исходит звук, затем взглянул на маленький приборчик, который оставил на столе полковник службы безопасности, нажал красную кнопку и сказал:

- Слушаю.

- Не спишь, - произнес Авдеев. - Никто не спит: ни хозяин, окно у него горит, ни мадам, так и охране спать не полагается.

- Долго разгоняешься, Николай. Прыгай!

- Недушевный ты человек, Лев Иванович, - раздался короткий смешок. - Мы телефон исправили, можешь названивать.

- Премного благодарен, я всегда знал, что ваша служба - главные телефонисты России.

- Я лишь стрелочник, куда скажут, туда переключу. В твоей гениальной голове появилось новенькое или, как Шарик, гоняешься за собственным хвостом?

Гэбист так точно определил состояние Гурова, что он разозлился:

- А ты хочешь, чтобы я гонялся за твоим хвостом?

- Не дай бог! - с одной стороны шутливо, с другой и всерьез испугался Авдеев. - Оставь мой хвост в покое. Хоть он у меня как у ящерицы, все равно больно.

- Так не хами, ложись спать, пока я на тебя не вышел.

- Черный юмор.

– Какой номер у мадам?

– Зачем тебе?

– Хочу назначить свидание. Ты посмотри, какая ночь, скоро соловей объявится.

– Для соловья холодно. Он парень умный, выступает всегда вовремя.

И в это время за окном защелкал соловей, умолк и вновь выдал руладу.

– Ты понял, кто умный? – спросил усмешливо Гуров. – Дай мне номер мадам.

– Не делай глупости, Лев Иванович. Хотя ты мальчик вполне взрослый, ныряй, тут неглубоко, – сказал гэбист и продиктовал номер.

– Благодарю, ложись спать, у тебя будет тяжелый день. – Гуров отключил связь, снял телефонную трубку, послушал гудок и положил трубку на место.

Полковник безопасности сказал правду. Лиана не спала, прилегла поначалу. Как говорится, ни в одном глазу, даже закрывать их не хотелось. Оксану убили вчера, странно, но первую ночь Лиана спала хорошо, а сейчас сильная, жизнерадостная девушка маячила перед глазами. Она, несмотря на службу, которая начиналась ранним утром и заканчивалась лишь вечером, жила радостно, пользовалась успехом у мужчин и сама была к ним далеко не равнодушна. Не то чтобы блудница, но у Оксаны всегда имелся мужик, если не один, так другой, и мадам была в курсе платонических забав молодой горничной. Вчера смерть Оксаны не потрясла Лиану, скорее ошарашила: как же так – в святая святых стреляют и убивают. Потом она вспомнила о платье, которое подарила девушке, появилась страшная мысль, что стреляли в нее, мадам Гораеву, а девчонку убили случайно. Лиана вспомнила рассказ подруги о некоем сыщике, который если не господь бог, то как минимум волшебник, и она вцепилась в мужа мертвой хваткой. Супруг был так занят решением своих проблем, что не стал вдаваться в подробности, вызвал помощника, распорядился помочь жене в решении ее проблем, считая ее просьбу обычной женской блажью.

Так в загородной резиденции спикера парламента появился милиционер – полковник Гуров.

Стоя в ванной комнате, она неуверенно сняла халат, невесомую французскую комбинацию, взглянула на себя в зеркало и порозовела от смущения. Седина в голову, бес в ребро – в сорок пять лет начала разглядывать свое тело, словно девчонка, у которой стали набухать груди. Фигура недурна, однако тяжеловата, честно оценила Лиана, но живот можно подтянуть, а груди приподнять. А зачем?

Мужчины Лиану не интересовали, до Имрана у нее были две мимолетные связи, которые не доставили никакого удовольствия. Она рано вышла замуж. Несмотря на невзрачную внешность, доцент, а вскоре и профессор Гораев был в институте фигурой заметной. Имран в статную, красивую студентку влюбился, а она стремилась вырваться из нищеты, в общем, история настолько заурядная, что и говорить о ней не стоит. Свадьба состоялась, Лиана стала профессоршей, позже депутатшей, а затем начался подъем, как в скоростном лифте, аж уши закладывало. Менялись квартиры, машины, старые подруги остались на первом этаже, новых не появилось, жены деловых партнеров мужа смотрели на Лиану сначала презрительно, теперь с тщательно скрываемыми завистью и недоброжелательностью. Муж дал Лиане все, о чем можно только мечтать, но так торопился, столько сил тратил на преодоление препятствий, что разбудить в ней женщину не сумел.

Лиана относилась к сексуальному вопросу спокойно, безразлично – человек, который не пригубил из кубка, не знает вкуса вина. Что же, я фригидна, не первая и не последняя на земле, зато у меня есть то, о чем не могут и мечтать миллионы женщин.

Впервые мысль о том, что муж, дав ей все возможные блага, в чем-то и обделил, появилась у Лианы, когда она познакомилась с Оксаной. Горничная, с образованием, как и хозяйка, из самой простой семьи, не была красавицей, но мужчины в ее присутствии, как правило, менялись: один подбирал живот и старался расправить плечи, другой начинал говорить громче, иной, наоборот, замолкал, следил за девушкой исподтишка, опасаясь, что заметит хозяйка. Она, конечно, это всегда замечала, чаще не реагировала, порой, если присутствовали только свои, абсолютно зависимые, насмешливо говорила:

– Кобели, Оксана девушка глубоко порядочная, у кого есть какие-либо предложения, просьба передавать через меня.

Обычно мужчины дружно возмущались, вскоре, признав свое поражение, затихали. Лиана громко, не очень естественно смеялась, на лице Оксаны мелькала загадочная улыбка, и девушка старалась как можно быстрее исчезнуть.

Обязанности хозяйки, жены спикера, занимали много времени, требовали сил и выдержки, и инстинкт обделенной женщины часто не пробуждался по несколько недель.

Сегодня, встретившись с милицейским полковником сыщиком Гуровым, Лиана ощутила себя женщиной, причем женщиной не только обделенной, а просто ограбленной. Мадам не влюбилась в статного, самоуверенного, голубоглазого милиционера, он скорее Лии не понравился.

Сейчас, стоя перед зеркалом и критически рассматривая собственное тело, она не мечтала об этом самце, не желала его прикосновения, но и не думать о нем не могла. Своими движениями, голосом, улыбкой Гуров почему-то напомнил Оксану. Смешно, в нем все было иное, но Оксана была настоящей женщиной, а полковник – стопроцентным мужчиной. Вокруг Лианы сновали помощники, референты, министры, дипломаты, они, естественно, брились, носили брюки, возможно, где-то они и были мужчинами, но в ее присутствии они не могли даже высунуться из своих мундиров.

Когда Лиана встретила с полковником взглядом, то неожиданно почувствовала себя не хозяйкой дома, женой второго, а завтра, возможно, и первого человека в России, а просто женщиной. Причем чертов сыскар не делал для этого ни малейшего усилия, был вежливо сдержан, предупредителен и внимателен, лишь в глазах у него порой появлялись искорки, словно отражая пламя костра, у которого мужчина был хозяин, а женщина знала свое место.

Лиана привыкла видеть в лицах окружающих мужчин желание понравиться, лесть и подхалимаж, неуверенность и страх, даже добродушную снисходительность политика, который вежливо слушает болтовню супруги спикера. Гуров разговаривал с ней как мужчина с женщиной, он знал, кто здесь главный, ему было совершенно безразлично, чья она жена.

Она надела халат на голое тело, туго подпоясалась, вышла из ванной, достала из холодильника бутылку пепси и рябиновую настойку. Лиана не была ни алкоголичкой, ни скрытой пьяницей, во время приемов и застолий вообще не пила спиртного, но изредка, оставшись одна, позволяла себе выпить рюмку настойки. Сегодняшний день был исключением, она выпила глоток коньяку с полковником, рюмочку ликера с мужем и почувствовала, что сейчас ей очень хочется настойки.

- Ни один алкаш не считает себя таковым, - сказала Лиана, наливая остро пахнущую жидкость. - Завтра придется пропотеть на тренажерах и сказать массажистке, чтобы она меня проучила.

Исповедовавшись перед собой, она выпила рюмку и шумно выдохнула - так, по ее мнению, поступают настоящие алкоголики. Зазвонил городской телефон. Лиана взглянула на часы, затем на телефон и неуверенно взяла трубку.

- Слушаю. Вам кого? Думаю, что вы ошиблись номером.

- Я не ошибся и приношу свои извинения, Лиана Хасбулатовна, - услышала она спокойный мужской голос, - говорит полковник Гуров, знаю, что не спите, потому и рискнул позвонить.

- Что с вами? Как вы смеете? - Лиане стало стыдно, она перевела дух и уже спокойнее спросила: - Что случилось, полковник?

- Мне необходимо поговорить с Имраном Руслановичем.

- Немедленно? Сказать ему, чтобы зашел?

Гуров сделал вид, что не понял сарказма, и серьезно ответил:

- Можно и сейчас, насколько мне известно, Имран Русланович не спит. С утра он окунется в государственные дела, вы будете спать. Кроме вас, Лиана, мне никто помочь не может.

Она тотчас отметила - полковник опустил ее отчество, что позволяли себе только очень близкие люди, она не рассердилась, скорее ей это было приятно.

Сыщик умен, раз в такое время звонит, значит, дело нешуточное. Имран, конечно, взбесится.

– Я попробую, – коротко сказала Лиана, не удержалась и добавила: – Однако берегитесь.

А Гуров на полном серьезе ответил:

– Благодарю. Кстати, ваш супруг наверняка уже в домашнем, а я полностью одет, так что пусть не беспокоится, я сам зайду к нему. Жду звонка.

Лиана не нашла быстрого ответа, положила трубку и пошла к мужу.

Гуров быстро побрился, протер лицо одеколоном, когда раздался звонок.

– Выходи, я тебя провожу, – буквально рявкнул полковник Авдеев.

Гуров хотел посоветовать беречь нервы и дыхание, мол, это только начало, а путь предстоит долгий, но гэбист бросил трубку.

– С тобой кончено, ты шагнул через край, – сказал Авдеев, встречая Гурова у входа в особняк. – Твое оружие. – Он протянул руку.

Гуров руку полковника пожал и усмешливо ответил:

– Какие-то вы здесь нервные. Я, Николай, протокол знаю и оружие на такие встречи не беру. Да и зачем? Спикер наверняка стрелять не умеет.

Авдеев провел ладонями под мышками Гурова, пистолет находился сзади, под ремнем брюк, чтобы остановить рвение кагэбэшника, сыщик равнодушно сказал:

– Ты мне изрядно надоел, будешь приставать, я сейчас в беседе с Имраном одной фразой прикончу твою карьеру.

– Ладно, ладно, Лев Иванович, но ведь, согласись...

– Не могу согласиться, – прервал полковник Гуров. – Мы либо друзья, либо враги, решай сам.

Они вошли в центральные двери, у которых прогуливался молодой парень специфической внешности. Гуров тщательно вытер ноги, увидел, что его туфли забрызгала роса, наклонился и аккуратно почистил их носовым платком.

Спикер сидел в кабинете за письменным столом, пил кофе, на приставном столике тоже стояла чашка, минеральная вода.

– Здравствуйте, полковник, слушаю вас, – сдержанно произнес спикер, указывая на стул напротив.

– Здравствуйте, Имран Русланович. – Гуров кивнул, сел, подвинул чашку, взглянул на хозяина внимательно, оценивающе. – Рад, что вы согласились на встречу и не кричите на меня.

– Я к хамству давно привык, переходите к делу, полковник.

– Не хочу пугать, охранять вас не мое дело, но, поразмыслив над происшедшим, я пришел к выводу, что вам угрожает опасность. – Гуров достал сигареты и положил рядом с чашкой.

После продолжительной паузы спикер спокойно ответил:

– Данный вопрос в компетенции службы безопасности, полковник, – он взглянул на часы: – Мне осталось на сон меньше трех часов.

– Вы либо не понимаете, либо не верите. – Гуров попробовал кофе, передвинул сигареты, взглянул хозяину в лицо: – Неумно. Служба безопасности допустила выстрел, она может пропустить и следующий.

– Сегодня? – Голос спикера слегка дрогнул.

– Думаю, дней через десять – две недели. – Гуров вновь тронул пачку сигарет.

Сыщик понимал, что здесь не курят, мог и потерпеть, но ему требовалось сломать волю хозяина, освободить его от мундира, разговаривать с человеком.

– Пепельницы нет, используйте блюдце. – Спикер откинулся на спинку кресла, расслабился, словно сообщение об отсрочке гарантировало ему не две недели, а век спокойной жизни.

– Спасибо. – Гуров вытряхнул из пачки сигарету, но не закурил, начал катать ее по зеленому сукну.

– Если сегодня, по вашему мнению, стрелять не собираются, дайте мне поспать, мне предстоит тяжелый день, – спикер улыбнулся.

– У вас каждый день тяжелый, – Гуров неторопливо достал зажигалку, – возьмите больничный – ОРЗ или еще какая-нибудь ерунда, чтобы не беспокоить депутатский корпус.

– Больничный могут не дать, – улыбка вновь скривила тонкие губы спикера. – Почему вы явились ночью, полковник? Я, возможно, не понимаю опасности, но вы абсолютно не соображаете, что вам разрешено, а что нет.

– В другой день я к вам не попаду, а нам следует поговорить. Если вы хотите, чтобы я работал. А нет, так разбежимся по постелям. Лично я с радостью сяду в машину и уеду.

Спикер был политиком и никогда не верил собеседнику, искал в его словах скрытый смысл. Предложение сыщика слишком однозначно – либо работать, либо разбежаться, никаких ловушек, второго дна. Хозяин состроил недовольную гримасу, спросил:

– Чем могу быть вам полезен?

– Вы – мне? – Гуров наконец закурил. – Я ничего не прошу, хотите работать – попробуем.

– Если вам ничего не надо, какого черта вы тут делаете? – вспылил спикер. – Отправляйтесь куда хотите, я позабочусь о вашей карьере.

Гуров не шелохнулся, он ждал срыва, готовился и ответил:

- Мне столько раз угрожали, я устал. Моя карьера? Плюнуть не на что, поберегите патроны, иначе в нужный момент останетесь безоружным.

- Пошел вон! - Спикер встал.

- Дурак, и уши холодные! - Гуров махнул на хозяина рукой. - Извините, Имран Русланович, я это про себя. У меня такая присказка. Когда молодой оперативник сморозит, я так выражаюсь, сейчас вырвалось. Извините, - в голосе сыщика никакой вины не звучало.

Несколько секунд спикер никак не мог закрыть рот, когда с этой задачей справился, упал в кресло и рассмеялся:

- Давненько, давненько со мной не говорили по душам. Хорошо, выкладываете, как я могу вам помочь, чтобы вы спасли мне жизнь. Такая формулировка годится?

- Кто победит на выборах, если вас... если вы тяжело заболете?

- Президент! Кто же еще? Мы политические противники! Я вижу, вы человек темный.

- Темный, - почему-то с радостью согласился Гуров, - просветите, пожалуйста. Допустим, вы и президент свои кандидатуры сняли...

- Такого быть не может! - перебил спикер.

- После вас двоих чьи шансы предпочтительнее? - упрямо продолжал Гуров.

- Ничьи, другие не котируются, - раздраженно ответил хозяин. Чувствовалось - разговор ему стал неинтересен.

- Бесковитый или Сабурин? - спросил терпеливо Гуров.

- Два сапога – пара.

- Кто тщеславнее?

- Нетщеславных политиков не бывает.

Гуров понял – разговор зашел в тупик, спросил:

- Мне работать или убираться?

- Я распоряжусь, чтобы позвонили министру и предоставили вам самые широкие полномочия.

- Благодарю, не стоит, прикажите службе безопасности не висеть надо мной. К кому из ваших помощников я могу обращаться, если мне потребуется информация?

Спикер долго молчал, пытаясь среди своего ближайшего окружения найти умного, неболтливого, профессионального человека, вздохнул и ответил:

- Обращайтесь ко мне лично.

- Каким образом?

- Позвоните жене, она вам поможет.

Обнаглев, Гуров собрался было попросить спикера, чтобы он освободил его от ежедневных докладов следователю прокуратуры, воздержался и встал:

- Премного благодарен, Имран Русланович. Разрешите идти.

Хозяин устало махнул рукой; когда Гуров, поклонившись, пошел к дверям, спросил:

- А что прикажете делать с охраной? Они же допустили выстрел!

– На мой взгляд, начальник здешней охраны человек вполне профессиональный, его вины в происшедшем нет.

– Интересно, преступление произошло, а виновных нет.

– Такое случается, Имран Русланович.

– А полковник, которого прислали из службы безопасности? Он надежен?

– Вполне.

– Достаточно профессионален?

– Безусловно.

– А вы сами, полковник, достаточно надежны и профессиональны?

– На данный вопрос вам может ответить мой начальник.

– Идите! Все вы одним миром мазаны.

– Мазаны все, краска разная, – Гуров снова поклонился. – Спокойной ночи.

– Ну? О чем же вы столько времени беседовали? – нервно спросил Авдеев, когда сыщик вышел в парк.

– О твоей благонадежности и профессиональной пригодности, – ответил Гуров.

– Шуточки у тебя, Лев Иванович.

– Я имею свободный вход и выход, наблюдать за мной не рекомендуется.

Пригласи начальника охраны, приходите ко мне. Да, вот еще, – Гуров остановился, взял Авдеева за лацкан пиджака. – Позвони своему руководству, к двенадцати дня я должен иметь фотографии, анкетные данные, адреса, телефоны и весь имеющийся у вас компромат на ближайших помощников,

заместителей и иных лиц, которые крутятся вокруг президента, спикера, Сабурина, Бесковитого. Они все мелькают по ящику, но я их не запоминаю.

– Сейчас четыре утра, я не могу звонить генералу. Такие приказания не отдают по телефону. Ты извини, Лев Иванович, ты для генерала никто, он надает мне по шее и ничего делать не станет.

– Разумно, – миролюбиво согласился Гуров, – что же делать? – Он был так искренен, что Авдеев в растерянность сыщика поверил и нравоучительно произнес:

– В девять помощник спикера должен по «вертушке» позвонить генералу, передать просьбу шефа, и тогда дня через два нарочный доставит в секретариат требуемые материалы. Извини, Лев Иванович, но у нас не розыск, как вы выражаетесь, хватай мешки, вокзал отходит.

– Да-да, конечно, я понимаю, – Гуров согласно кивал и улыбался.

Знай гэбист Гурова получше, то, увидев такую улыбку, продолжать поостерегся бы.

– Ты розыскник, и только! А тут политика! Все должно выполняться тонко, чисто, с соблюдением всех правил! – Авдеев поднял палец. – Ну ничего, тебя, видимо, переведут к нам, ты со временем привыкнешь.

– Из стойла в стойло переводят лошадей, – тихо сказал Гуров. – Ты прав лишь в одном: мое имя генералу называть не следует. Завтра в двенадцать здесь, в кабинете спикера парламента, должны находиться все документы, о которых я тебе сказал. И еще! – Сыщик сильно дернул лацкан пиджака полковника. – К помощникам, естественно, обращаться запрещено, так как материал мне требуется именно на этих холуев. Если шеф тебе не поверит, может позвонить Имрану Руслановичу и лично от него получить подтверждение. О деле знаю я, ты и будет знать твой генерал. Секрет, о котором знают трое, хреновый секрет. Если информация уйдет на сторону, ответите ты и генерал. Извини, но себя я из подозреваемых исключаю. И давай, родной, крутись, звони, поднимай ваше дремлющее болото, тащи ко мне Илью!

Сыщик оттолкнул гэбиста, тот еле устоял на ногах.

– Больной! Сумасшедший! Мы останемся не только без погон, но и без голов! – Полковник повернулся, пошел быстро, затем побежал.

Имран Русланович Гораев, спикер и самодержец Большого вече России, сидел в спальне жены и пил рябиновую настойку. Впервые за четверть века совместной жизни Лиана смотрела на мужа с участием и жалостью.

– Имран, успокойся, милиционер просто наглец и карьерист, напугал, хочет всплыть на поверхность, – она не верила ни одному своему слову, стремилась мужа успокоить.

– Не надо, Лия! – Гораев пытался говорить твердо. – Да, я испугался, но разум не потерял. Он, согласен, наглец, но совсем не карьерист. Он умен, прекрасно понимает, что сегодняшней разговор, мое унижение я ему никогда не прощу. Какой-то абсурд! Умереть за шаг до трона! – И закричал: – Почему я пью эти помои? В доме нет ничего приличного? – Протянул свою рюмку и пробормотал: – Налей, дорогая.

– Я вызову Валентина, – Лиана наполнила рюмку. – Ты же не пьешь, тебе будет плохо.

– Плохо? – он даже рассмеялся. – К черту врачей! Я сильный, два часа сна, приму стимуляторы – и в бой!

– Имран, сними свою кандидатуру, – быстро заговорила Лиана. – Я никогда не лезла в твои дела. Оставайся спикером, поддержи президента, собери съезд, скажи о единении нации. Что я тебя учу? Имран, ты умница, ты их вокруг пальца обведешь.

Он с отвращением проглотил настойку, потер ладонями лицо и спокойно, даже равнодушно ответил:

– Мне приятна твоя забота, Лия. Ты говоришь женские глупости. Убийца не имеет отношения к президенту, преступнику безразлично, где я стою. Он будет стрелять, пока не попадет или пока его не схватят. Съезд собрать все равно что вытащить на всеобщее обозрение разлагающийся труп. Сейчас еще не все чуют

запах, но, если стадо собрать, засмердит так, что даже несчастным недоумкам, что таскают по площадям портреты покойников, станет ясно: власти Советов никогда не существовало, а мумия хороша лишь в забальзамированном виде и под усиленной охраной. У нас один путь – использовать агонию депутатского стада, выскочить на ней в главное кресло.

– Что случилось, Имран? – возмутилась жена. – Ну убили кухарку, и только!

– Ты очень точно высказалась о рояле в кустах. Он не может случайно оказаться в кустах, рояль туда поставили.

– Откуда ты знаешь? Меня подслушивают?

– Тебе мент все объяснил, ложимся спать. – Спикер тяжело поднялся, взглянул на пустую рюмку, которую продолжал держать, бросил на кровать: – Отвратительное пойло, – и вышел.

Полковник Авдеев заскочил в свою комнату, позвонил генералу. Шеф снял трубку после второго гудка, не ругался, выслушал и даже похвалил:

– Молодец, держи меня в курсе. Я знал, что вчерашний выстрел отзовется. Значит, Гуров начал копать.

– При чем тут Гуров? – попытался возразить полковник.

– Молчи, полковник! – оборвал шеф. – Да, дела хреновые, слава богу, что пристегнули милицию. Когда козел отпущения рядом, спокойнее. Я понимаю, никакой бумажки мы от спикера не получим. Звонить ему я, конечно, не намерен. Ты держись в стороне, выполняешь поручения инициатора розыска, с прокуратурой не контакь, напиши подробный рапорт, выскажись по сути вопроса отрицательно, но форму соблюди.

– Все ясно, товарищ генерал!

– Гребь все время в сторону. С Гуровым не спорь, – генерал хмыкнул, – он обязательно тебя раскусит, но у него, как и у нас, нет документа.

- Все выполню, товарищ генерал!

- Твои товарищи остались в партшколе, полковник! Выполняй!

Начальник охраны Илья Иванович Егоров мерз на садовой скамейке и, прихлебывая из термоса горячий кофе, тупо смотрел на окна особняка, ждал, когда окна погаснут.

Увидев в конце аллеи быстро приближающуюся фигуру, Илья достал пистолет и встал за сосну. Когда Авдеев проскочил мимо, Илья негромко окликнул:

- Николай Васильевич!

- Илья? - Авдеев повернулся.

- Куда я денусь, - охранник вышел на аллею.

- Пошли, нас ждут.

- Кто? Неужто сам? - Илья убрал пистолет, быстро зашагал рядом.

- Полковник Гуров.

- Не пойду! Он мне не указ!

Авдеев рванул за плечо остановившегося охранника и зашептал:

- Не пойдешь - рысью побежишь!

По дороге Авдеев ему коротко объяснил, мол, получено специальное задание хозяина, подробности сообщит Гуров. Илья загрустил, подробности в изложении полковника милиции виделись как наручники, машина, камера.

– Есть новости? – спросил Гуров, наливая гостям чай. – Николай Васильевич, что ответила лаборатория по образцам травы, которую мы взяли с предполагаемого местонахождения преступника?

– Ничего интересного, обычный химический состав, характерный для Подмосковья, – ответил Авдеев.

– А вы говорили, собака шарахнулась и заскулила, – удивился Гуров. – Может, вы спутали место?

– Я там вешку поставил, Лев Иванович.

– Странно, – Гуров помолчал, затем спросил: – Есть предложения, варианты, версии?

Илья молчал, Авдеев ответил:

– Розыск поручен вам, Лев Иванович, вам и карты в руки.

– Спасибо, Николай Васильевич. Если у меня поинтересуются, как мне помогает безопасность, я отвечу, что на высшем уровне. Хорошо, хорошо, не заводись, – остановил Гуров возмущившегося было гэбиста. – Мою просьбу выполнили?

– Безусловно, к полудню будет ответ.

– И прекрасно, отдыхайте, полковник. А мы тут с Ильей беседы побеседуем, разговоры поразговариваем.

Геннадий Артурович, в прекрасно сшитом костюме, который скрывал недостатки нелепой фигуры, в свежей рубашке и модном галстуке, провел час в парикмахерской и стал походить на цивилизованного преуспевающего бизнесмена. Затем он зашел в библиотеку, где пролистал подшивки нескольких газет за последний месяц, никаких выписок не делал, – память, как уже говорилось, Бланка не подводила. Закончив просматривать газеты, он из читального зала не ушел, облокотился на стол, подперев ладонью круглую тяжелую голову, задумался.

Он уже знал, что Гуров траву на экспертизу послал и вот-вот выйдет на шофера Танаева. Бланк такой ход событий предвидел, готовил Карима Танаева на заклатание, но все произошло слишком быстро, сыщик начинал раздражаться. Я не спортсмен, не самовлюбленный герой, рассуждал Бланк, покидая читальный зал и направляясь домой. Человек я не тщеславный, мне ни к чему сильные противники. Зачем искать очередную жертву среди говорливых политиков, когда есть человек, ликвидировав которого можно убить двух зайцев. Гуров руководит розыском убийцы, проживает в усадьбе спикера, и смерть полковника газетчики и телевидение, да и западная печать, преподнесут на высшем уровне. Танаева все равно придется отдать, да и черт с ним, – отстрелянный патрон, пустая гильза. Кто придумал афоризм, мол, человек учится только на своих ошибках? Дебил учится на своих, нормальный человек анализирует чужие и старается их избегать.

Раз уж он оделся парадно, постригся и выбрался в город, то можно и перекусить по-человечески, решил Бланк, хотя был к еде абсолютно равнодушен.

Брать машину, искать ресторан ему было лень, а так как он находился на Серпуховке, то после недолгих блужданий оказался в валютном ресторане «Сеул», который привлек экзотическим названием, чистотой, главное, отсутствием толкотни в дверях и нормальным вежливым обслуживанием.

С плохим аппетитом, занятый мыслями, не имеющими к еде никакого отношения, Бланк попробовал холодный папоротник, который остро пах чесноком, масленую японскую морскую капусту, чертыхнулся, даже перестал думать о Гурове. Если ты забрался в «Сеул», то почему решил, что тебя станут кормить по-европейски? Ради приличия он выпил рюмку пахучей водки «Соучжу» и принялся за мясо «Тун мин». Хорошо прожаренная сочная говядина ему понравилась. Бланк перестал корить себя за лень и вернулся к рассуждениям о бренности всего земного и о том, что умный человек должен изучать и учитывать ошибки дураков.

Вроде бы, как он слышал, коммерсант Лебедев, Роговой и другие жертвы Гурова были отнюдь не глупы, однако одних убили, других посадили. Бланк ожидал, что на шофера выйдут, даже в какой-то степени подставил чучмека, однако не так быстро же.

В чем заключалась основная ошибка незадачливых коллег? Они бодались с Гуровым, а в таких делах самолюбие вещь никчемная, смертельно вредная. Никаких брошенных перчаток, дуэлей, соревнований. Я сказал, что сыщик меня не знает, потому он мне не страшен. Дурацкие слова, короткие мысли. Сегодня не знает, завтра узнает либо почувствует, начнет искать. Мне это надо?

Он равнодушно расстался с долларами, вышел из «Сеула» и отправился к своим котам. У большинства экранных злодеев имеется кот, а у меня их стая. Пытаясь отвлечься от навязчивых мыслей о сыщике Гурове, Геннадий Артурович начал философствовать на отвлеченные темы. Я люблю животных? Отнюдь. Зачем мне нужны драные коты? А разговаривать с кем? Я ведь с электронным хламом возиться не люблю, однако вожусь, порчу зрение. Человек – великая загадка природы. А Гурова необходимо убить. Я не д'Артаньян, мне приключения ни к чему.

Вечером, в прожженном кислотой костюме, Бланк сидел в кресле, отложив лупу, прикидывал, кого конкретно следует натравить на сыщика, чтобы ни одна живая душа не знала, что он, Геннадий Артурович Бланк, имеет к убийству хоть какое-то отношение.

Глава 4

Ночь истекает, наваливается день

Когда полковник распрощался и вышел, Гуров спросил:

- Что у тебя? Как преступник мог проникнуть на территорию?
- Только через КП, другого объяснения у меня нет, господин полковник.
- На воротах машины гостей встречал ты лично или кому поручал?
- Лично.
- Багажники проверял?

– Как можно? Депутаты Верховного Совета! – возмутился охранник. – Если я о машине предупрежден, никогда не проверяю. Вы же, Лев Иванович, свободно проехали.

– Напрасно не проверяете, за халатность ответите.

– Перед вами? – начальник охраны поднялся.

– Отвечают по закону и перед судом. – Гуров осмотрел Илью с ног до головы, с довольным видом потирая руки, приговаривал: – Хорошо. Очень хорошо. Значит, договоримся.

– Можете приказывать, ни о чем договариваться с вами я не намерен.

– Выдохни, иначе взорвешься. – Гуров взглянул на часы, пробормотал: – Ну, извини, друг, – снял телефонную трубку и начал набирать номер, вскоре услышал знакомый голос:

– Слушаю тебя, Лева.

– Извини, не мог позвонить раньше, для меня есть что-нибудь?

– Есть, но мало утешительного, – отвечал генерал Орлов. – Обнаружен химический состав, который нашим экспертам неизвестен, предположительно изготовлен в Германии. Имею формулу. Будешь записывать?

– К чему? Мы же не будем по формуле искать. Возьмем соскобы. Проведем сравнительную экспертизу. Как доказательству установлению идентичности цена ноль, однако для нас это прямой выход на исполнителя. Спасибо, Петр, досыпай.

Илья все еще стоял, чувствовал себя неловко. Уйти нельзя – дисциплина, сесть гордость не позволяет, вроде как сдался. Гуров словно подслушал его мысли, улыбнулся.

– Садись, петух, мы не противники, в одном окопе оказались, – опустил в кресло, допил оставшийся чай. – Вот так, дружок, очень даже желательно, просто необходимо, убийцу установить. Даже водворив его в камеру, мы продвинемся не шибко, не говоря о том, что доказательств у нас нет и пока не предвидится.

– Вы знаете, где искать?

– Только предположительно. Об этом чуть позже, пока отвлечемся, поговорим о тебе и о том, как мы будем работать. Я тебя проверил и убедился – ты парень стоящий, мне повезло.

– Простите, Лев Иванович, когда вы меня проверяли?

– С момента нашего знакомства. Я на тебя давил, пугал, затем предоставил возможность врать, изворачиваться, уйти от ответственности. Хватит об этом. Я убедился, что ты нормальный парень. У нас оценка человека на должной высоте. Оброненный бумажник не украл – так человек кристальной чистоты. Хоть памятник ему ставь. Я вынужден тебя кое в чем просветить, иначе ты можешь напортачить и тебя попросту убьют.

Сыщик начал возиться с сигаретами, выдерживая паузу, – давал возможность Илье произнести какую-нибудь глупость типа: «Я не боюсь! Не пугайте». Парень ответил достойно:

– Лев Иванович, сделаю все возможное, чтобы остаться в живых.

– Спасибо, – Гуров кивнул и продолжал: – Убийца опрыскал обувь неизвестной нам химией. Я взял образцы травы, часть отдал на экспертизу через полковника Авдеева, часть отослал своим криминалистам.

– Отослали? – Илья прищурился, прикидывая, когда и каким образом полковник передал что-либо с охраняемой территории. Вспомнил приходившую к Гурову машину, полковника Авдеева, который передал водителю конверт, выругался: – Черт побери! Полковник с вами заодно?

– Скорее против. Я его использовал втемную, ты не торопись, слушай. Сейчас, при тебе, Авдеев сказал, что эксперты ничего не установили. Это неправда, химия на траве обнаружена. Не спеши записывать полковника в суки и предатели. Существует множество иных объяснений. Экспертизу еще не провели, Николай не захотел в этом признаться. Начальство полковника результаты получило, но не посчитало нужным ставить полковника в известность. Авдееву сообщили результаты, приказали мне не говорить, попытаются сработать без милиции, обычные межведомственные интриги.

– Значит, с полковником все в порядке, – облегченно вздохнул Илья.

– Я этого не говорил, – ответил Гуров, смотрел мимо собеседника и думал, правильно ли сделал, приоткрыв парню карты. – Я работал с Николаем, когда он был майором, честным парнем, средним оперативником. С годами люди меняются. Я тебе выдал информацию, без которой ты не смог бы работать. У полковника свои задачи, лишнее ему знать абсолютно ни к чему.

– Он обязательно поинтересуется, о чем мы так долго беседовали.

– Сыщик Гуров – известный зануда, мотал тебе душу идиотскими вопросами, пытался уличить в соучастии, когда не прошло, начал обвинять в халатности. А в принципе, ты особо не распространяйся, озлобленно замкнись, посылай полковника ко мне, мол, хотите знать, спросите у этого мента.

– Лев Иванович, извините, вы меня старше, опытнее, мудрее, переходите к главному.

Гуров молчал, покачивался на стуле и походил на человека, не решающегося войти в холодную воду, который знает, что деваться некуда, а неприятный момент оттягивает. Не готов парень к серьезной самостоятельной работе, но он начальник охраны загородной резиденции спикера. Илья Егоров может появиться в любом закрытом гараже и не вызовет никаких подозрений. Начальник охраны зарплату получает за охрану, проверку транспорта, профилактику.

– Номера машин, на которых приезжали гости, у тебя, естественно, зарегистрированы.

- Ну? - Илья напрягся. - Осмотреть багажники, нет ли следов человека?

- В принципе следовало бы, только визуальный осмотр ничего не даст, лезть с аппаратурой преждевременно, да и, честно сказать, не верю я в багажный вариант. Нужно осмотреть салоны, точнее, место водителя, еще точнее - около правой ноги водителя в таких машинах обычно имеется ковровое покрытие, мне нужен образец, возьми с собой пинцет. Сейчас и поезжай, пока машины не ушли из гаража. Охране скажи, выполняешь поручение мадам, мол, она обронила зажигалку, а супруг не знает, что она покуривает. Вопрос пустячный, но деликатный, и кто хочет остаться при должности, пусть держит язык на привязи.

- С этим будет порядок, там служит народ молчаливый. Как я пост оставлю? Пока хозяин на территории, мне отлучаться не разрешается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/leonov_nikolay/krov-alaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)